

БЕРНАР МИНЬЕР

ДОЛИНА

ЗДЕСЬ ОН ИГРАЕТ В БОГА.
И ПЕРСТ УКАЗЫВАЕТ НА ТЕБЯ.

Майор Мартен Сервас

Бернар Миньер

Долина

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Миньер Б.

Долина / Б. Миньер — «Эксмо», 2020 — (Майор Мартен Сервас)

ISBN 978-5-04-118234-2

Меньше всего офицер тулузской полиции Мартен Сервас ожидал этого звонка из прошлого. Марианна, мать его сына, похищена восемь лет назад. С тех пор маньяк-похититель успел оказаться в тюрьме, но саму женщину так и не нашли. И вот она звонит в полвторого ночи: смогла сбежать из плена. Беглянку вот-вот настигнут, но обезумевшая от страха женщина успевает описать местность. Мартен понимает – это знакомая ему долина в Пиренеях. Он бросается туда. А в долине объявился жестокий убийца, так вычурно обставляющий свои преступления, будто это какое-то послание...

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-118234-2

© Миньер Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Прелюдия 1	6
Прелюдия 2	7
Прелюдия 3	9
Пятница	11
1	11
2	13
Воскресенье	16
3	16
Понедельник	20
4	20
5	24
6	27
7	29
8	35
Вторник	38
9	38
10	39
11	40
12	43
13	46
14	47
15	52
16	55
17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Бернар Миньер

Долина

Bernard Minier
La Vallée

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Бессознательно он снова отхлебнул из фляжки.

Вкус бренди вызвал у него в памяти дочь, вошедшую с яркого солнечного света в хижину, – ее хитрое, насупленное, недетское лицо. Он сказал:

– О Господи, помоги ей. Я заслужил твое проклятие, но она пусть живет вечно.

Грэм Грин, «Сила и слава»¹

¹ Перевод Н.А. Волжиной.

Прелюдия 1

– Зачем... вы... это делаете?

Он поднял глаза и вгляделся в неподвижный силуэт. Может, привиделось? В горах часто случаются галлюцинации. От лихорадки ли, обезвоживания, от высотного отека мозга... или от переохлаждения, – но его била дрожь.

Альпинисты и любители горных походов часто рассказывали о призрачных фигурах, какое-то время шедших рядом с ними. Такая фигура маячила сейчас у него перед глазами. Вот только ведро ледяной воды, которое он получил прямо в физиономию, явно не имело ничего общего ни с призраками, ни с бредом.

От холода захватило дух. Дыхание зачастило, сердце забилось быстрее. Он понял, в чем дело: если дрожит – значит, все в порядке, классические симптомы легкого переохлаждения.

Тело тут же включило механизм защиты: сосуды сузились и на уровне конечностей сильно сжались, позволяя крови достигнуть жизненно важных органов: сердца и легких. Вот почему он не чувствовал ни рук, ни ног.

Он повернул голову и увидел крутые обрывы вокруг маленького горного озера, накрытого плотным слоем льда, и остроконечные скалы, глядевшие прямо в серое небо... И ощутил тысячелетнее безразличие хмурой горы, которая не открывала взгляду ничего, кроме омерзительного образа его собственной смерти. *А он умирал.* Ни малейшего сомнения. Легкое переохлаждение перейдет в умеренное, потом в серьезное, и наконец – в глубокое, ведущее к коме и остановке сердца. Это неизбежно. С него сняли всю одежду. Он лежал голый, как червяк, – разве что красная повязка стягивала сзади его дреды, – а плечи, спина и бедра оказались прямо на льду. Температура упала намного ниже нуля, и сейчас около минус пятнадцати.

Прошу-у-у вас, прошу-у-у вас, прошу-у-у...

Это он произнес? Или простонал призрак?

Он начинал терять чувство реальности.

Скверный знак...

Он понемногу погружался в туман, завесу между реальностью и помешательством.

Прелюдия 2

Тот же туман полностью окутывал пейзаж, когда он устремился в горы нынче утром.

Он вошел в это «молоко», никак не желающее рассеиваться. Можно, конечно, никуда не ходить, – но что делать в долине зимой в воскресный утренний час?

И он упрямо шел наверх, подставляя лицо холоду, в туманном полусвете, где ориентирами были только снежная белизна, серый свод неба и острые гребни скал. Потом там, где начинался лес, туман начал понемногу расплзаться. Сквозь полупрозрачную пелену стали проглядывать очертания стражей леса – молодых пихт. Он на миг остановился. Несмотря на холод, пот катился с него крупными каплями. И тут он услышал... Какой-то шум. Внизу что-то треснуло. Хруст сломанной ветки прозвучал, как взрыв петарды. *Похоже, кто-то поднимался в тяжелых ботинках.*

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Никто не отозвался. Может, зверь... Но у какого зверя такой тяжелый шаг? У медведя? Он тысячи часов провел в этих горах, но ни разу не встретил косолапого.

Выйдя из лесу, он направился к крутому склону. Маршрут был не слишком трудным. Летом туристы добирались до озера часа за три, но зимой на тропе никого не было, и это одиночество ему нравилось.

Выше по склону, там, где становилось все холоднее, последние крючковатые сосны намного превосходили силой своих сородичей. Деревья как люди: среди них тоже есть и чемпионы, и все остальные. В природе те же неравенство и несправедливость, что и в человеческом обществе. Камель в равенство не верил. Он верил в конфликт, в состязание, в то, что выживает сильнейший. И не догадывался, что жить ему осталось всего четыре часа.

А что бы он сделал, если бы знал? И что сделал бы тогда на его месте любой из нас? Отдал бы распоряжения по поводу дел и имущества? Попросил бы прощения? У кого? И за что? Раскаялся бы в худшем, что совершил? А ведь за всю свою жизнь он натворил столько мерзостей, причем ничуть не колеблясь и без тени раскаяния. Он считал их необходимостью. Такова была его натура, извращенная и жестокая. И тот, другой, прекрасно это почувствовал. Сразу понял, с кем имеет дело, едва увидел.

Туман стал снова густеть, и он уж было решил, что заблудился, потому что ледник все не показывался. Однако гранитная плита, отмечавшая его нижний край, была там же, где и в прошлые годы. И тут Камель понял: край ледника чуть сместился наверх. Несколько раз подряд были жаркие месяцы лета, да и осени выдавались мягче обычного, вот ледник и отступил. Что предвещало ему гибель: лет через двадцать-тридцать от него ничего не останется. И в городах и деревнях, что стоят на равнине, станет так же жарко и душно, как в Оране в разгар лета.

Но сейчас он лежал на льду, и холод превращал его щеки в клубки колючек, а лицо – в такую страшную маску, словно роковую ошибку совершил какой-то пластический хирург. Он глубоко вздохнул и на секунду потерял сознание. А когда пришел в себя, дрожь прекратилась.

Это плохо. Значит, температура воздуха понизилась до минус тридцати одного. Тут-то он и увидел склонившийся над ним силуэт.

– Зачем... вы... это... делаете? – простонал он, но словам почти не удавалось прорываться сквозь растрескавшиеся губы.

Он попытался приподнять голову. Не получилось. Лента в волосах заледенела и теперь напоминала корону. И тело тоже покрылось тонким слоем льда, который потрескивал, стоило ему пошевелиться. Ведро с водой сделало свое дело: слой льда быстро затвердевал, и теперь он как будто оказался в скафандре. В твердом, смертельном ледяном скафандре.

Должно быть, воду таскали из проруби неподалеку.

Вдруг его окатило волной жара. Как такое может быть? Он вдруг вспомнил, что это один из признаков *тяжелого переохлаждения*: мышцы, ответственные за сокращение сосудов, перестали работать. И кровь снова хлынула к конечностям.

Пульс замедлился. *Брадикардия*. Падение давления. *Симптомы множились...*

Когда он добрался до убежища – маленькой хижины на берегу озера, сложенной из камней и сланца, – то решил немного передохнуть здесь и спускаться обратно: для подъема на пик день был явно неподходящий.

Он отпил немного кофе из термоса, облегчил мочевой пузырь и сгрыз маленькую шоколадку. Потом с легким рюкзаком за спиной подошел к распахнутой двери, пропускавшей жесткий северный свет и стонавшей на ледяном ветру. Но едва переступил порог – резкий свист, и дальше ничего... Как раз в эту секунду его окатили ледяной водой из ведра.

Расплата за все, что он совершил, это ясно. Но он никак не мог понять, зачем позвали... *этого*.

– Кто... кто вы? – пролепетал он.

Как и ожидалось, ответа не последовало. Вместо него еще одно ведро воды. И тут он осознал, что кожа рук, бедер и икр прочно приклеилась к озерному льду, буквально вросла в него.

Если бы он мог увидеть себя, то ужаснулся бы – до чего уже напоминает покойника: кожа посинела и пошла белыми пятнами там, где соприкасалась со льдом, зрачки не реагируют на свет. Ветер свистел над гладкой поверхностью озера, мягкие хлопья снега покрыли неподвижные глаза.

Он попытался широко раскрыть их – и в этот краткий миг смог увидеть только *нож*.

Острое лезвие поднесли к животу, и на секунду в нем отразились облака на сером небе.

Ему хотелось закричать, но голосовые связки тоже заledenели. Он ничего не почувствовал, когда нож вонзился в тонкий слой льда и раскроил живот от грудной кости до лобка. Было очень холодно, и он весь онемел. Не чувствовал и того, как чья-то рука раздвигает края раны, а нож разрезает внутренние органы. Только услышал чей-то смех.

Прелюдия 3

В тот же вечер в жандармерии высокогорного района Эгвив раздался телефонный звонок. По словам юной супруги Камеля Эсани, ее двадцатидевятилетний муж не вернулся с воскресной прогулки. Провести ночь в горах он не планировал. Спальный мешок, матрас и спиртовку оставил дома и сменной одежды с собой не брал. *С ним наверняка что-то случилось.*

Голос девушки дрожал от волнения, казалось, она вот-вот расплачется.

Жандармы не стали терять времени. Не прошло и получаса после звонка, а вертолет спасательной службы уже стартовал с просторной лужайки рядом со зданием жандармерии. Лужайка служила полицейским аэродромом. На борту было четыре человека: пилот, механик, врач и спасатель.

Все знали, каким маршрутом ходил Камель. Вопрос был в том, остановится ли он на Черном озере или двинется дальше, до пика. Давно стемнело, что отнюдь не облегчало поиски, и отряд собирался уже их прекратить и возобновить утром. Примерно в час тридцать ночи они пролетали над Черным озером.

В этот час оно поистине соответствовало своему названию: его продолговатую поверхность, гладкую, как зеркало, амфитеатром окружали крутые скалы и освещал огромный прожектор луны.

А прожектор вертолета обшаривал слепящим лучом гладкий лед, пока не наткнулся на явные очертания человеческой фигуры. Несмотря на расстояние – вертолет не мог снизиться из-за окружавших озеро крутых и острых скал, протыкавших темноту, как кинжалы, – все разглядели, что Камель Эсани был *обнажен*, и отряд охватила тревога. Белизна заснеженного льда. Посиневшее распростертое тело. Черная тень. Красная бандана. Но ужаснее всего выглядел его распоротый живот. Все четверо переглянулись.

Посадить вертолет в скальный амфитеатр было невозможно. Но можно было попытаться сесть прямо на лед, зная бы только, что он достаточно прочен. Наконец решили посадить врача и спасателя на широкую площадку возле берега, метрах в двадцати от тела.

– Вы уверены? – крикнул пилот, пытаясь перекрыть шум мотора. – Находиться здесь все труднее. Я так считаю, парни, дело может и до завтра подождать.

Врач жестом велел ему снижаться. Пока они со спасателем надевали снаряжение, всех на борту охватило какое-то нездоровое возбуждение: шутка ли, оказаться тут в полной тьме, да еще с мертвецом, лежащим внизу в свете луны. В атмосфере чувствовалась некая театральность. Воздух был пронизан острым ощущением *необычайности* и в то же время *опасности*. А из всех возбуждающих снадобий отряд предпочитал адреналин.

Спасатель Ян Фогель первым соскользнул в пустоту. За ним доктор Лоридан в красной куртке, белом шлеме и в очках. Он раскачивался на узкой лесенке вертолета под порывами ледяного ветра, как легкий груз или как паук на конце паутины, он висел над самым центром каменного круга. Достигнув скал, они внимательно осмотрели лед. На вид он казался достаточно крепким, но кто его знает... Решили обойти озеро, добраться до хижины и уже оттуда идти к распростертому телу, то есть пройти тем же маршрутом, что и бедняга Эсани.

На озеро он пришел один или с ним кто-то был? Эта мысль сразу промелькнула в голове врача: не сам же Камель Эсани сделал себе *харакири*, как поступали в древности японские самураи?... *Наверное, кто-то другой?*

При этой мысли доктор содрогнулся, и холод здесь был ни при чем.

Они пошли по ледяной площадке, не сводя глаз с распростертого внизу тела. Если несчастный Камель Эсани еще жив, его надо как можно скорее интубировать, наладить вентиляцию легких, ввести лекарства, а потом уже поднимать. Может быть, сделать не прямой мас-

саж сердца. В этой команде, в отличие от других, был лишь один доктор, и рассчитывать он мог только на себя.

Все ближе к телу...

В молочно-белом свете луны оно отбрасывало длинную тень, и та ложилась на лед, как на сцену мюзик-холла. *На уровне живота была какая-то странность...*

Он не только был разрезан надвое огромной глубокой раной, которая была видна изда-лека, а был круглым, раздутым, как бурдюк... *или как живот беременной.*

– Твою мать! – вскрикнул Фогель.

Они в десять прыжков подскочили к труп.

Это был далеко не первый мертвец, которого им довелось видеть. Они насмотрелись и на сорвавшихся альпинистов, и на лыжников, потерявших трассу и засыпанных лавиной. Попада-лись и получившие черепно-мозговые травмы при камнепадах, и замерзшие, чья кожа хрустела под пальцами, когда их спускали вниз. Не говоря уже о погибших спасателях, – этой страшной дани, заплаченной за людскую глупость, эгоизм и безответственность. Но такой странной и такой жуткой смерти им видеть еще не приходилось. Этого они никогда не забудут. Голое сине-ватое тело, вмерзшее в прозрачный лед, почерневшие губы, широко раскрытые глаза, какие бывают у слепцов, круглый живот, раскрытый пополам, как ореховая скорлупа.

Лоридан поморгал. *Нет, такого не бывает... того, что он увидел, быть не может...*

Профессия не раз сталкивала его с самыми нелепыми случаями, но здесь было нечто уму непостижимое. Во всяком случае, уму доктора Лоридана. *Внутри распоротого живота, в окружении брюшных мышц, раздвинутых инородным телом, как пародия на беременность лежал пластиковый пупс, втиснутый между кишок, и сквозь корку льда изучал Лоридана глазками небесной синевы.*

Сердце доктора отчаянно колотилось, руки в перчатках вспотели, когда он доставал нагрудный радиопередатчик и нажимал кнопку приема.

– Он мертв! – резко бросил он в трубку. – Все кончено! Теперь тут нужен только суд-медэксперт...

– Дело может подождать до завтра, – подытожил пилот. – Температура ночью не поднимется выше минус десяти. А значит, он сохранится лучше, чем рыба в ледяной крошке... прием...

Потрясенному увиденным доктору столь удачное сравнение в голову не пришло. Он снова нажал кнопку.

– Сам он такого сделать не мог! А тот, кто такое сотворил, больной на всю голову! Поехали. Я вовсе не жажду дальше шататься по берегу. Прием...

– О чем вы говорите, доктор? Прием...

– *Это убийство. Поразительно жестокое убийство.*

– Как так?

– Заберите нас отсюда, и побыстрее!

Пятница

1

– А по утрам, проснувшись, ты через сколько закуливаешь? Сколько можешь ждать?

– Когда как.

– Пять минут? От шести до получаса? От получаса до часа? Или больше?

– Я бы сказал, от шести до получаса.

– А там, где запрещено, трудно не курить? В самолете, в кино, в ресторанах?..

– Нет.

– Уверен?

– Уверен.

– А от какой сигареты тебе труднее отказаться: от первой или от второй?

– От первой.

– И сколько сигарет в день в среднем выкуриваешь?

– От десяти до двадцати.

– А интервалы между сигаретами короче в начале дня?

– Э... пожалуй, да.

– Куришь, даже если болеешь и не можешь встать?

Он подумал немного.

– Нет.

Она быстро подсчитала в уме. Это называлось тестом Фагерштрёма.

– Пять пунктов. Зависимость средняя. Могу прописать никотиновый пластырь и жевательную резинку – ее на тот случай, если пластырь перестанет помогать. Но с резинкой будь осторожен. Почему ты хочешь бросить курить?

Он снова повторил все причины: 1) не хочет загнуться от рака гортани или легких: это слишком отвратительно; 2) все чаще беспокоят бронхиты: признак старения легочной ткани; 3) надо заботиться о своем здоровье ради Гюстава; 4) и потом, не очень приятно целоваться с курящим, когда сама не куришь, правда?

Доктор Леа Деламбр кивнула.

– Ты готов? – спросила она.

– Готов.

– Тогда начнем... *немедленно*.

Она обворожительно улыбнулась ему. Потом хлопнула себя по бедрам, встала и сунула четырехцветную ручку в нагрудный карман халата, бросив взгляд на светловолосого мальчугана, который метрах в трех от них играл с отцовским телефоном.

– Гюстав меня беспокоит, – сказал пациент.

– Знаю. Мы ведь говорили об этом.

– Ему все труднее сосредоточиться на уроках, проблемные оценки, а дома ни к чему нет интереса. Часто просто не слышит, что я ему говорю, а бывает и агрессивным.

Она пожала плечами.

– Надо подождать. Если такие симптомы сохранятся еще полгода, можно будет говорить о синдроме дефицита внимания. С гиперактивностью или без. Тогда я покажу его специалисту по этой части.

– А пока? Что делать, пока мы ждем?

Она внимательно его разглядывала.

– Мартен, главное не в этом: со здоровьем у Гюстава все в порядке. Похоже, пересадка удалась. Ты хоть понимаешь, что это большая победа?

Сервас кивнул.

Разумеется, она права.

Сын страдал сужением желчных протоков. У детей такое заболевание – одно на двадцать тысяч. Суженные протоки мешают свободному оттоку желчи из печени, а ее застой может привести к необратимым последствиям, а если ничего не предпринять – то и к смерти. У таких детей множество проблем со здоровьем: они меньше ростом и худее сверстников, часто болит живот, случаются желудочные и кишечные кровотечения, они чаще подвержены инфекциям. Основное лечение состоит в том, чтобы обеспечивать нормальный отток желчи. Для этого удаляют некротизированный фрагмент протока и заменяют его трубкой, свернутой из кусочка кишки. Такой метод называют процедурой Казай, и в одном из трех случаев все проходило благополучно. А вот в случае Гюстава процедура не удалась.

Тогда было решено провести пересадку здоровой печени от донора с совместимостью от 60 % до 70 %, то есть от близкого родственника. Сервас предложил себя. Операцию подпольно провели в австрийской клинике в абсолютно гротескных условиях. После нее Сервас чуть не умер.

Вспоминая об этом, он всегда убеждался: то был один из самых сюрреалистических и пугающих эпизодов в жизни².

Сервас взглянул на доктора Делабр. Она была выше его ростом, широкоплечая (много занималась плаванием), рыжеволосая, с лукавым и живым блеском зеленых глаз. Четкие и определенные черты лица под стать характеру: ничего не скрывали и не утаивали. Она работала в детском отделении больницы Пюрпан в Тулузе и специализировалась на гастроэнтерологии, гепатологии и лечебном питании. Лечить детей в больнице – есть ли на свете профессия труднее, требующая больше компетенции и преданности? Она подошла к Гюставу, перекинулась с ним парой шуточных слов, потрепала по светлым волосам и что-то шепнула на ушко, отчего тот прыснул со смеху.

Доктору Леа Делабр было сорок три, а вот Сервасу в декабре стукнет пятьдесят.

Интересно, его сын принял бы в доме вот такую женщину? Гюстав ворвался в его жизнь непредвиденно³. И Сервас стал вдруг одним из отцов-одиночек, которых в этих краях насчитывалось около ста сорока тысяч. Конечно, всего лишь капля в бескрайнем океане неполных семей, – но все-таки они с Гюставом привлекали внимание, и их провожали взглядами и в летнем лагере, и в школе. Забудьте о равенстве полов, господа, когда стоите перед работниками социальных служб или в бутике, где программа надежности называется... «Клуб мамочек». А еще забудьте о том, чтобы оставлять ночевать кого-нибудь из подруг дочери или приятелей сына. Забудьте.

Он вдруг почувствовал себя очень старым. Слишком старым, чтобы воспитывать семилетнего ребенка. И когда по утрам смотрелся в зеркало, видел там старика, хотя и выглядел моложе своих лет, и волосы еще не начали седеть, и морщин почти не было. Что же до его музыкальных и литературных вкусов, то в этих вопросах он принадлежал к поколению, которое теперь почти утратило право голоса.

По счастью, на свете есть Шарлен, красавица-жена его заместителя. Шарлен Эсперандье лучше всех знает, что нравится детям и подросткам. И они с Гюставом друг друга обожают.

Бывшего заместителя, подумал Сервас: он около часа проговорил с представителем профсоюза полиции, чтобы выяснить, что с ним будет. После событий февраля 2018 года⁴ он

² См. роман «Гадкая ночь».

³ См. там же.

⁴ См. роман «Сестры».

был временно отстранен от должности. Теперь ни оружия, ни жетона, ни кабинета, ни заместителя.

Отстранение смахивало на наказание, даже если не было им в официальном смысле. Например, его отстранили якобы «с сохранением полного содержания», а на самом деле сняли все надбавки, и вот он лишился 30 % зарплаты. Еще ему запрещалось вступать в контакт с коллегам. Ну, это уж все равно: большинство из них и так старались держаться от него подальше. *Наверное, боятся заразиться.*

За исключением двоих – Самира и Эсперандье. Оба находили способы подбодрить и поддержать. Неудивительно: Венсан Эсперандье и Самира Чэн были самыми верными из его лейтенантов, он их вырастил, воспитал стойкими и надежными, и они стали его друзьями.

У отстранения от должности было одно преимущество: теперь он мог проводить с Гюставом целые дни. Ему уже не надо было подстраиваться под расписание сына, под его дела, не надо было звонить Шарлен или приходящей няне. Он прекрасно понимал, что тратит слишком много психической энергии на роль отца. Гюстав полностью занимал все его мысли, все его время. Он стал отцом во второй раз, и ему не хотелось оплошать.

Телефон доктора Деламбр запел голосом Лео Ферре⁵.

– Сейчас выезжаю, – ответила она.

Поцеловав Гюстава, она подошла к Сервасу.

– Завтра вечером дежурю. Увидимся в воскресенье?

2

– Административное расследование закончено, – объявил профсоюзный деятель тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Теперь тебя ждет дисциплинарный совет.

Было 15 июня 2018 года. Стояла прекрасная погода – солнечная и жаркая. От должности Серваса отстранили в феврале. По закону отстранение не должно превышать четырех месяцев. Правда, начальство могло его и продлить в ожидании результатов уголовного процесса, который возбудили по причине смерти Эрика Ланга, знаменитого автора детективов, и одного из его фанатов, Рене Манделя. Оба погибли при пожаре, причем устроил пожар Мандель, а Сервас оказался свидетелем⁶. Дальнейшие события терялись в тумане, по крайней мере, власти о них не знали: он сообразил, что полиции не обязательно докладывать, как он, когда его выволакивали из комиссариата, угрожал оружием Лангу, «человеку со змеиной кожей». Еще он не признался, что не оказал помощи пострадавшим при пожаре, потому что был слишком занят спасением сына и спешил отвести мальчика как можно дальше от горящего зернохранилища.

Сервас покосился на Гюстава; тот сидел рядом и уплетал рожок с мороженым. Сегодня не было уроков: школа бастовала. Перед глазами отца снова встало зарево той ночи, и он ощутил на лице жаркое дыхание пламени, как будто опять бежал с Гюставом из горящего здания.

Он снова посмотрел на улицу. Встречу с представителем профсоюза назначили в одном из кафе в Карме, очень далеко от полицейского отделения. Сейчас, в июне, Тулуза вибрировала от жары. Каждое окно, каждый металлический предмет словно нарочно пытались ослепить, направляя в их сторону вспышки раскаленного света.

– Они хотят дождаться решения суда, прежде чем установить дату дисциплинарного совета, – продолжал профсоюзный деятель.

Закон предусматривает, что «за проступок сотрудника, совершенный им при исполнении служебных обязанностей, на него может быть наложено дисциплинарное взыскание, не наносящее ему вреда». В переводе на нормальный язык это звучит так: сотрудник может быть

⁵ Лео Ферре (1916–1993) – франко-итальянский автор-исполнитель.

⁶ См. роман «Сестры».

оправдан судом, но при этом понести наказание от собственного начальства. Добро пожаловать в дивный мир полиции...

– Мартен, – разъяренный профсоюзный деятель, – ты ведь не так давно уже прошел дисциплинарный совет и хлопотал временное отстранение на три месяца... и понижение до капитана...

Коротышка отчеканивал административные истины, как Моисей со скрижалями закона в руках. Сервас заметил, что посередине лба, как раз над линией очков, у него, как третий глаз, красовалось родимое пятно.

– ... следовательно, вполне возможно, что на этот раз, учитывая серьезность фактов, которые тебе вменяют в вину, и наличие рецидива, тебя ожидают санкции четвертого разряда...

Четвертый разряд. *Лишение полномочий или отставка*. Сервас почувствовал, как по затылку прошелся ледяной ветерок. Профессия сыщика то редкое исключение, когда сотрудник за один проступок может одновременно понести и уголовное, и профессиональное наказание и утратить право на пенсию. Ни одна другая профессия подобной взыскательностью не отличается. Если бы такие требования предъявляли еще где-нибудь, то куча народу оказалась бы на улице.

– Кроме того, в отличие от трибунала, они будут тебя спрашивать не только о тех фактах, что привели к отстранению. Они вольны поднять любые события и профессиональной, и личной жизни. Словом, если захотят, то просеют всю твою жизнь как сквозь сито.

Сервас бросил на него равнодушный взгляд. А внутри все кипело. Ему вдруг стало *страшно*. Что будет с ним и с Гюставом, если он потеряет не только дело, которому посвятил огромную часть жизни, но вдобавок еще и лишится права на пенсию? Ему скоро пятьдесят. А что он умеет, кроме сыска?

– Ну, есть и положительная сторона. У тебя будет право ознакомиться со всеми материалами дела, и у меня тоже. Ты можешь явиться в сопровождении адвоката, если он есть. Но адвокату уготована только роль наблюдателя. Ему нельзя вмешиваться в ход заседания. Единственный, кто сможет тебя защищать, это профсоюз.

Профсоюзный деятель почесал в ухе, густо заросшем волосами.

– Мы тебя не бросим в этой передраге, Мартен. *Мы будем биться*. Будем с тобой рядом и на совете, и на обсуждении и дойдем до высших инстанций. Некоторые деятели профсоюзов больше заботятся о том, чтобы сохранять хорошие отношения с администрацией, чем о защите своих подопечных. Но, знаешь, наша организация сосредоточена прежде всего на достижении цели, на защите полицейских и в плане индивидуальном, и в плане коллективном.

Он разглагольствовал, словно заносил в дебет каждое слово, как торговец автомобилями.

– Но есть и еще кое-что, – заявил он таким тоном, словно сообщал, что ты не только уже потерял ногу, но сейчас тебе оттяпают еще и вторую. – Поскольку они ждут результатов судебного расследования, тебе, скорее всего, продлят срок отстранения, сохранив при этом только половину зарплаты.

На этот раз Сервас отреагировал. Буквально испепелил собеседника взглядом. Конечно, он понимал, что профсоюзный деятель – из соображений идеологии, обстановки или по призыванию – на его стороне. Но разве во времена античности не убивали гонца, принесшего дурные вести?

– Тебя послушать, так я даже не имею права сменить род занятий. А с каких шишей я буду счета оплачивать?

Выходя с Гюставом из кафе, он увидел на стене какого-то дома граффити, адресованное людям его профессии:

На хер полицию

- А что такое «на хер»? – спросил Гюстав.
- «Люблю», вот что.

Воскресенье

3

Девять часов. Вечер медленно гаснет и переходит в ночь. Тулуза, конечно, не Нью-Йорк, но летом этот розовый город тоже почти не спит. Альбер Камю писал, что «самый удобный способ познакомиться с городом – это попытаться узнать, как здесь работают, как здесь любят и как здесь умирают»⁷. В Тулузе работали, любили и умирали шумно. Тулузцы никогда не позволяли ни властям, ни правилам, ни законам повелевать собой. Вечно неудовлетворенные, они всегда говорили громко. По существу, Тулуза никогда по-настоящему не отдыхала.

А уж тем более – во время кубка мира по футболу. Накануне концерт клаксонов и радостные вопли сопровождали победу Франции над Австралией со счетом 2:1, если верить информационным каналам. Не бог весть какое достижение: одержать победу с разницей всего в одно очко над нацией, известной прежде всего успехами в регби. Однако, похоже, некоторым этого вполне хватало для счастья.

Вот о чем думал Сервас в этот вечер, наблюдая, как небо из светло-розового становится пепельным. На миг ему захотелось достать сигарету, как обязательно сделал бы по привычке два дня назад, но он тут же вспомнил об антеникотинном пластыре.

– Папа!

Сервас оторвался от своих мыслей, прошел коридором в комнату Гюстава.

– Зубы почистил? – спросил он.

Сидя уже в кровати, мальчуган кивнул.

– Почитаешь мне какую-нибудь историю?

Сервас улыбнулся и подошел к этажерке с детскими книгами... Прошлой зимой Гюстав попросил планшет. Наверняка слышал о нем в школе. С некоторых пор у детей в комнатах сплошь эти экраны... Прежде чем положить планшет под елку в Новый год, он решил посоветоваться с учительницей. И та нарисовала ему поистине апокалипсическую картину: мальчик не всегда может сосредоточиться, невнимателен на уроках, витает в облаках, часто словно впадает в спячку. А когда спросил о том же у доктора Леа Делабр, та его успокоила: «Дети все разные, хотя это действительно так: многие тесты на концентрацию, речь и память выявляют определенную связь между временем, проведенным перед экраном, достижениями в учебе и сном... Главный вопрос в том, сумеешь ли ты ограничить его пользование планшетом». Говоря все это, она пристально на него посмотрела, и он решил с планшетом пока подождать.

Сервас взял с полки книгу, открыл ее и устроился рядом с Гюставом.

– «Когда Бари родился, – начал он, – мир показался ему большой темной пещерой. Его мать, Серая Волчица, была слепа...»

– А почему она была слепая? – спросил Гюстав, у которого уже слипались глаза.

Пятью минутами позже, вернувшись в гостиную, Сервас поставил два прибора на угловой стол и направился в кухню. Кролик в винном соусе по-деревенски. Рецепт нашел в поваренной книге для новичков. А рецепт соуса – в интернете. Даже он не смог не поддаться неумолимому ходу прогресса.

Сквозь раскрытую балконную дверь слышались два гудка клаксона.

Он высунулся из окна. Автомобиль быстро мигнул фарами, а он в ответ помахал рукой: «путь свободен».

Потом зажег две свечи на столе, сменил пластинку Малера на другую и пошел к двери.

⁷ «Чума»; пер. Н.М. Жарковой.

– Добрый вечер, Коломбо, – сказала, выходя из лифта, доктор Леа Делаамбр.

На ней была длинная черная юбка и красное болеро⁸ поверх черной блузки со вшитым бюстгальтером. Кожу ее уже покрыл прелестный медовый весенний загар, и Мартен не смог отвести глаз от нежного рисунка ключиц и от того, что медики именуют грудино-ключично-сосковой мышцей. Но долго любоваться она ему не дала: приблизила лицо, и руки легко, как крылья бабочки, взлетели к его затылку. Она прижалась губами к его губам, и он увидел свое отражение в огромных глазах, тут же заслонивших весь мир.

– Гюстав спит?

Он кивнул. Доктор Леа Делаамбр быстрым легким шагом обогнула его, вошла в гостиную, бросила сумочку на диван, отпустила реплику по поводу запаха дымка из кухни и обернулась к Сервасу.

– Держись?

Он спросил себя, о чем она, уже решил, что о Гюставе, и вдруг сообразил: о недавнем обещании бросить курить.

– С пятницы ни одной сигареты.

Она снова его поцеловала и потерлась носом о его шею, как ласковый щенок.

– Ты действительно ничем не пахнешь. А я уже почти привыкла к запаху...

Он положил руки на ее округлые бедра, ощутив под легкой юбкой стройное тело, и притянул ее к себе.

– Я нуждаюсь в полном медицинском осмотре, доктор.

– Всего через три дня?

– Это никогда не помешает...

– Давай сначала поедим, я с утра ничего не ела и голодна, как волк.

Они чокнулись бокалами с вином и принялись за еду. Мартен любовался тем, как ее красивые зубы расправляются с мясом. Леа похвалила его кулинарное искусство, но он прекрасно знал, что передержал кролика. Завела разговор о своем детском центре, о больнице, и у него, как всегда, сжалось сердце при мысли не о том, сколько несправедливостей в этом мире, а о том, что женщина, которую он полюбил, со всем этим сталкивается каждый день. Известное дело: *нас трогает то, что к нам ближе*.

Она рассказывала о детском центре с деланой отстраненностью, но Сервас знал, что для нее это способ защиты. Девочка четырнадцати лет забеременела, но родители запретили ей делать аборт, и Леа подозревала, что своим состоянием девочка обязана отцу. Мальчик десяти лет, жертва травли в социальных сетях, уже трижды пытался покончить с собой. Четырехлетний ребенок с синдромом Ушнера, который проявляется во врожденной глухоте и постепенно прогрессирующей слепоте. Если Бог существует, то он тот еще засранец. А вот более обычный случай: мать забыла грудного ребенка в автомобиле на самом солнцепеке, и вид у него был, как у курицы, которую только что достали из духовки. Легко предвидеть, каковы будут неврологические последствия. Или вот: новорожденный, страдающий анальной имперфорацией, проще говоря, у него в попе нет дырочки. И еще куча детишек с проблемами питания и психомоторики...

Серваса угнетал этот поток слов. *Дети...* Он не решался признаться Леа, что, когда она перечисляет все беды, которые валяются на головы детей на этой планете, он неизбежно думает о Гюставе. А ей было необходимо с ним поделиться. Интересно, что она подумает, если он попросит ее перестать?

Замечательно то, что им обоим удастся отстраниться от работы и встречаться, чтобы заняться любовью, освободившись от повседневности и пристав к тем берегам, где они все лучше узнавали друг друга и друг друга открывали. И у Серваса всякий раз внутри все сладко

⁸ Укороченный жакет.

замирало, когда он видел, как наслаждение меняет лицо Леа, и она почти кричит, впившись ногтями ему в плечи, в руки или в простыни, толкая лобок навстречу ему, уйдя взглядом куда-то внутрь себя и позабыв обо всем, и о нем тоже. Он больше всего ценил эти моменты – ведь он долгое время считал, что остаток жизни проведет в одиночестве.

В ту ночь, когда она заснула, он лежал, прислушиваясь к уличному шуму за открытым окном, и вдруг подумал, что появление в жизни Леа и Гюстава сделало его одновременно и сильнее, и уязвимее.

Отныне Мартен волновался не только за себя.

Он удержался и не пошел посмотреть, как там Гюстав, а любовался спиной лежащей на боку женщины, плавным изгибом ее бедер, ее ногами. Вслушивался в ее дыхание и чувствовал, как в нем что-то расправляется, и простое счастье возникает словно ниоткуда, как легкий аромат из флакона. Он взглянул на экран мобильного. Через несколько часов он ее разбудит, и она убежит, как воровка, прежде чем рассветет, а главное – прежде чем проснется Гюстав. Сервас не хотел, чтобы сын видел их вместе. *Пока не хотел*. Время еще не пришло. Гюстав все реже и реже вспоминал о матери, но изредка она возникала в разговорах, как неотступный призрак.

Марианну Бохановски когда-то похитил серийный убийца Юлиан Гиртман. Это случилось восемь лет назад, в июне 2010 года, когда она была беременна Гюставом. Сервас помнил этот день, как будто все произошло только вчера: пустой дом и гремящая на полную мощность музыка Малера... Медь и скрипки неистовствовали в том месте финала Шестой симфонии, которое Теодор Адорно⁹ назвал «Все плохо, что плохо кончается». Она родила сына в неволе, и именно Гиртман сам доверил его Сервасу, когда мальчик тяжело заболел. Прежде чем полиция его арестовала, он сам отвез Мартена в австрийскую клинику. Марианна больше не появлялась. Швейцарец отказался даже сообщить Мартену, жива она или нет.

А потом он получил эту фотографию. На Рождество 2017-го. На фото была Марианна в том же платье-тунике, как и в последний раз. Она читала журнал. Сервас велел провести анализ снимка: следов монтажа не обнаружили. На фото было написано только: «Счастливого Рождества» и подпись «Юлиан».

Потом долго не было никаких вестей. Гиртман сидел в «пятизвездочной» тюрьме в Леобене, в Австрии. Последний раз написал Сервасу в феврале.

Почему именно нынче вечером ему все это вспомнилось? Он сел на краю кровати, убедился, что Леа спит, и, как был, в пижамных штанах отправился на кухню налить себе стакан воды. Ночь стояла тихая и теплая. Легкий ветерок задувал в открытые окна и ласкал голый торс, как невидимая женская рука. Ему уже давно не было так хорошо. Вдруг какой-то настойчивый звук ворвался в сознание, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это.

Телефон... он оставил его на столике у кровати.

Мартен быстро вернулся в спальню. Звонок разбудил Леа, и она повернулась на звук.

А телефон надрывался, как голодный грудной младенец.

Половина второго ночи.

«Звонок посреди ночи редко приносит хорошие вести», – подумал он.

Сердце сильно заколотилось; он подбежал к кровати и посмотрел на экран: номер был незнакомый.

– Ты бы лучше музыку включил, – насмешливо произнесла Леа.

Волосы ее растрепались, лицо чуть опухло со сна.

Она улыбалась, но в глазах угадывалась тревога. Он стоял в нерешительности.

– Ну что, ответишь или нет?

Он нажал зеленую кнопку и приложил телефон к уху.

⁹ Теодор Людвиг Визенгрунд Адорно (1903–1969) – немецкий философ, социолог, композитор, теоретик музыки. (Прим. перев.)

– Мартен! Мартен, ты?

Этот голос... По телу пробежала дрожь.

Он едва замечал, что Леа наблюдает за ним. Этот голос... Он уже восемь лет не слышал его, но узнал сразу же. Словно слышал в последний раз только вчера. Прошлое воскресло, как комета в ночи, словно и не было всех прошедших лет.

Он опустился на край кровати и закрыл глаза.

Невозможно.

Понедельник

4

Он понял, что не может выговорить ни слова, – такими оглушительными литаврами застучало его сердце.

– Марианна?!

Голос жесткий, как наждак.

– Мартен... Мартен, это ты?

В голосе чувствовалась паника, и в мозгу у Серваса сразу взметнулась тысяча вопросов.

– Ты где? – спросил он.

Ему хотелось продолжить: *И где ты была все эти годы? Откуда узнала мой номер? С чьего телефона звонишь? Почему звонишь среди ночи? Почему не давала о себе знать? Не было возможности? Гиртман сидит в тюрьме. Кто же тогда держал тебя взаперти? ГДЕ ТЫ БЫЛА?* Ну, по крайней мере на один вопрос ответ имелся: он ни разу не менял телефонного номера за эти восемь лет. Как чокнутый. Эсперандье как-то сказал ему: «Ты, парень, ошибся веком».

– Мартен, прошу тебя, ты должен мне помочь!

– Где ты? – повторил он.

– Не знаю! – почти выла она. – Где-то в лесу!

– В лесу? А где этот лес?

– Мартен, я никогда не была так далеко... совсем не то, что ты... (Тут на линии послышался треск, и контакт ненадолго прервался). Пиренеи... я... я где-то в горах...

Снова помехи. Он очень испугался, что связь вообще прервется.

– МАРТЕН, Я... Я УБЕЖАЛА!

Он сглотнул. Кровь с такой силой стучала в виски, что голоса в трубке он почти не слышал. Сам не заметил, как сполз на пол и теперь сидел, прислонясь спиной к матрасу. Не заметил, что Леа встала и с тревогой стоит за его спиной... Не заметил, как стиснул телефон так, что даже пальцы побелели.

– Прошу тебя! – повторяла Марианна. – Здесь плохая связь... я почти час не могла до тебя дозвониться!.. Слава богу, хоть сейчас...

Снова раздался треск, а дальше – угрожающее молчание.

– Ты в Пиренеях, так? В горах? Но не знаешь, где именно, так?

– Да!

Сервас почувствовал, что его тоже охватывает паника, так изменившая голос Марианны.

– Опиши мне, что ты видишь!

Наступило короткое молчание.

– Я на склоне горы... в лесу... на тропе... над долиной...

Она еще что-то сказала, но слова снова потонули в скрежете помех.

– Что? Ничего не слышу! – крикнул он.

– Слышишь меня?

– Теперь да!

– Примерно час назад я видела... церковь... и старые постройки... что-то вроде... мо...

– Монастыря?

– Да! Мартен, я!..

– А впереди есть река и мост?

– Да, да!

– На каком расстоянии горы?

– Совсем близко.

– Высокие?

– Да!

Он догадался! Аббатство Эгвива... Другого, так точно подходившего под описание, он в Пиренеях не знал.

– Марианна, – быстро сказал он, – я предупрежу жандармерию, они там совсем рядом и сразу придут на помощь!

– НЕТ!!! – Вопль был полон тоски и ужаса. – Нет! Не зови никого!.. Приезжай сам!

– Марианна, да что с тобой такое? – крикнул он так громко, что рисковал не только напугать Леа, но и разбудить Гюстава.

Сервас обернулся и увидел, как сильно расширились глаза у Леа. Она действительно выглядела такой перепуганной, что он быстро понизил голос.

– Марианна, их обязательно надо предупредить!

– Умоляю тебя... не надо... полицию! Только не полицию!.. Обещай мне... Я все объясню...

Он помедлил, не зная, какое решение принять. Почему ее так напугала мысль вызвать жандармов?

– Тогда поворачивай назад к аббатству! – велел он.

– Нет! Не могу... он наверняка меня ищет... *Он...*

– Что? Кто тебя ищет, Марианна?

Молчание.

– Марианна, *кто* тебя ищет?

Снова треск и скрежет.

– Марианна... Марианна?!

Что-то оборвало связь. Или... кто-то?

– *Марианна!*

– Это была она?

Вопрос риторический... Леа просто хотела восстановить контакт с любимым, который в одно мгновение вдруг оказался далеко отсюда... Она прекрасно знала ответ. Сервас кивнул. И вдруг устыдился: ну и видок у него, наверное... Он уже рассказывал ей историю Марианны, ее похищения и исчезновения из мира живых... И не скрыл, что мать Гюстава была большой любовью его юности, а потом обманула его и манипулировала им. И сделала это ради спасения старшего сына, Юго, сводного брата Гюстава, который сейчас в тюрьме.

– Что же все-таки случилось? – спросила Леа.

Он рассказал в нескольких словах. Она выслушала, не перебивая, не двигаясь, только глаза мрачнели все больше, пока он говорил. Он знал, что она думает: *Эта женщина сумела высвободиться после восьми лет в неволе и теперь хочет, чтобы ты пришел ей на помощь... Именно это и привело тебя в такое состояние...*

– Мне надо позвонить, – сказал он, взял телефон и вышел.

Прежде всего он убедился, что Гюстав спит. Потом вошел в гостиную и набрал номер, по которому ему можно было звонить и днем, и ночью.

– Мартен? Что случилось? – раздался в трубке голос его бывшего заместителя, Венсана Эсперандье.

Сервас не знал, с чего начать. Случившееся только что было так... *странно, так невероятно.*

– Мне только что позвонили, – сказал он.

– Кто позвонил?

Мартен коротко пересказал разговор: и про панику в голосе Марианны, и про то, как она пыталась описать место, где находилась, и особенно – об ее крике: «Я убежала».

На том конце линии помолчали.

– Ты уверен, что это была она?

Тон у Венсана был откровенно скептический.

– Конечно.

– Вот ведь паскудство... После стольких лет... это... это...

Невероятно, поразительно, немыслимо, потрясающе, фантастически, пугающе? «Да, все вместе, сразу», – сказал себе Сервас. Он вспомнил тот случай, когда какой-то папаша из Сен-Дени-на-Сене всучил маленького ребенка кормилице и исчез... *на сорок лет*. А Люси Анн Джонсон, мамаша из Канады, без всякого предупреждения оставила дом, где жила ее семья, и дочка обнаружила ее следы только через *пятьдесят лет*. А три пленницы из Кливленда: одной из них удалось позвать на помощь только *после десяти лет неволи*.

«И пусть мне не говорят, что в мире все благополучно», – подумал Сервас.

– Мартен, малыш, а что ты думаешь предпринять? – спросил Венсан.

– Не знаю.

– Мартен, – спустя минуту отважился Венсан, – то, что произошло, совершенно невероятно, но надо, чтобы ты с этим справился сам... Я даже знать об этом не должен. Не забывай, что я вообще права не имею с тобой разговаривать.

– Я знаю. Но мне нужна помощь, здесь и немедленно.

Он помнил, как Марианна сказала: «Не надо полиции». В трубке послышался тяжелый вздох.

– Ладно, – сказал Венсан. – И чего же ты от меня хочешь?

– Мне надо, чтобы ты пробил номер и определил, откуда звонили.

Эсперандье долго не отвечал.

– А как я смогу без запроса операторов?

Сервас задумался. Ему не хотелось компрометировать друга, но больше всего хотелось найти Марианну.

– Придумай что-нибудь. Пристрой запрос к другой процедуре.

– Дьявол, ты же знаешь, если шеф меня на этом поймает, мне тоже не уйти от дисциплинарного совета. Ну, ладно, ладно, я посмотрю, что тут можно сделать... Но учти, придется дожидаться утра: если я перебуду всех среди ночи, от меня потребуют целый пакет объяснений. О'кей?

– Есть еще одна просьба...

– Давай, выкладывай, я слушаю.

– Можно я привезу к вам Гюстава, прямо сейчас, сразу?

– Сейчас, ночью?

– Нельзя терять времени...

Он услышал в коридоре шаги Леа.

– Конечно, – ответил Венсан. – Без проблем. Ты же знаешь, что Гюстав нам как родной.

И Шарлен его обожает. Мартен?

– Да?

– Твоя карьера висит на волоске. Не надейся на глупостей...

– Эта женщина... ты все еще ее любишь?

Вопрос был задан явно не к месту, учитывая обстоятельства, но логично и в некотором смысле неизбежно.

– Нет, – ответил Сервас.

Он обернулся и пристально посмотрел в глаза Леа. Она опустила взгляд и увидела, что он разминает в пальцах сигарету.

– Мартен... Ты ведь носишь пластырь от курения... – сказала она, выйдя к нему на балкон.

Он тоже опустил глаза.

– Прости. Это последняя.

Она кивнула, явно не очень-то поверив, и Сервас подумал, что видит у нее такое впервые: реакцию женщины, которая не вполне доверяет партнеру. Вот уже три месяца, день в день, как они знакомы. Не так уж и плохо: все-таки целых три месяца, и только сейчас между ними – первая крошечная трещинка.

Леа подошла и положила прохладную ладонь на его разгоряченную грудь.

Сердце у него бешено колотилось, и он был уверен, что ее пальцы ощутили это биение сквозь кожу и мышцы. Она снова посмотрела на него.

– Мартен, – произнесла она тихо и твердо, – делай все, что нужно. Эта женщина в опасности, и ты должен ехать без промедления...

Он молча кивнул, погасил сигарету о перила балкона, оставив на них маленькое черное пятнышко, и посмотрел на часы. Было около двух ночи.

– Мне надо разбудить Гюстава и отвезти его к Венсану и Шарлен.

Она поняла. *Тебе нельзя здесь оставаться, ты должна уйти раньше, чем он увидит тебя.*

Леа хотела что-то сказать, но вспомнила, что для того чтобы войти в жизнь отца-одиночки, необходимо соблюдать несколько главных правил. Во-первых, терпеливо принимать его беды. Во-вторых, не торопить события. В-третьих, проявлять *гибкость*. Она повернулась и направилась в спальню собирать вещи.

Сервас быстро подошел к письменному столу и выдвинул ящик. Там лежал конверт с адресом отправителя: образцовая тюрьма Леобен, Австрия. Письмо пришло в феврале.

Дорогой Мартен,

ты не поверишь, но здесь, в камере, я думаю о тебе. Жизнь моя проходит почти приятно. Австрийцы натворили немало варварских дел, и это их цивилизовало. Рядом с вашими их тюрьмы – просто дома отдыха. И у меня здесь предостаточно времени, чтобы поразмышлять.

Уильям Блейк¹⁰ писал, что Милосердие и Жестокость владеют человеческим сердцем, Жалость и Ревность – человеческим лицом, а Любовь и Страх – это формы проявления божественного начала в человеке... А в какой форме божественное начало проявляется у тебя, Мартен? В виде Страх или в виде Любви? Держу пари, что в виде Страх. И что владеет твоим сердцем? Жестокость или Милосердие? Надеюсь, ты думаешь обо мне так же часто, как я о тебе.

Твой друг

Юлиан.

Сервас вложил письмо обратно в конверт. Рядом лежала папка-скоросшиватель с газетными вырезками. Он быстро и внимательно их просмотрел, нашел ту, что искал, и отложил ее вместе с открыткой и фотографией Марианны.

¹⁰ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и художник.

5

Ночь вся переливалась звездами. Их россыпи целиком покрыли небо над прямой лентой шоссе и над темными полями, словно бог-сеятель бросил в небо пригоршню песка. «Вольво» Серваса прорывался сквозь тьму по темной автострате А64 со скоростью, намного превышавшей разрешенную. На трассе он был один, и никто его не заметил.

Мартен считал минуты, километры, съезды с автостраты: Сен-Мартори, Лестель, Сен-Годан. Он подсоединил гарнитуру и снова и снова вызывал номер, с которого звонила Марианна, но ответом была тишина. А километры все тянулись и тянулись, отчаянно медленно.

Успеет ли он? Найдет ли ее, и в каком состоянии? А вдруг его кто-нибудь опередит?

Тревога. Темнота. Километры за километрами. Он несколько раз собирался закурить, но потом вспоминал, как посмотрела на него Леа, и принимался жевать антитабачную жвачку.

Через час после выезда из Тулузы он съехал с автомагистрали А64 на уровне Ланмезана и по департаментскому шоссе 929 повернул на юг, в горы. Их темные зубчатые силуэты виднелись вдаль, они походили на челюсти, пожиравшие ночь.

Доехав до Арро, он съехал с департаментского шоссе, переехал через реку, миновал спящий поселок и направился в сторону Эгвива, к границе двух округов: Верхней Гаронны и Верхних Пиренеев. Спустя короткое время он уже мчал среди темных пихт, суровых стражей, застывших плечом к плечу и бросавших на шоссе угрожающие тени. От Марианны по-прежнему не было никаких вестей. Сервас ощутил, как внутри все сжалось от тревоги и волнения.

Пиренейские склоны вплотную подступали к нему. Лес кончился, и автомобиль покатило по берегу реки, которая играла бликами лунного света, словно в ней всплывали и снова ныряли косяки серебряных рыбок. Потом показался широкий каменный мост и за ним – дорожный указатель:

ЭГВИВ
4 383 жителя,
Термальные воды,
Аббатство,
Лес

Электронные часы на автомобильной панели указывали 3.45, когда Мартен въехал в городок на термальных водах, мирно спавший, как кот у печки. Окна на фасадах домов, в хорошую погоду обычно распахнутые настежь, были заперты наглухо, как сейфы в швейцарском банке.

Не останавливаясь, он проехал через город – вглубь, к горам, замыкавшим долину.

В этот предзакатный час долина казалась такой безжизненной, словно он высадился на погибшую планету. На повороте Мартен чуть не пропустил съезд с дороги, где на обочине, почти полностью закрытая листьями орешника, стояла стрелка: «АББАТСТВО ОТФРУАД». Он тормознул, резко дал задний ход и бросил свой «Вольво» направо в лес. Автомобиль взобрался на холм по настоящему туннелю из тонкоствольных деревьев и густого папоротника, и на спуске Сервас увидел просеку, на другом конце которой, внизу, в небольшой лесистой седловине стояли монастырские постройки. Типичная монастырская церковь XII века, судя по башне и по планировке в виде латинского креста – цистерцианская¹¹. Во внутреннем дворе, опоясанном аркадами, располагались помещения для монахов – столовые и спальни, – выстроенные из пористого камня с таким расчетом, чтобы не бояться зимних холодов и, в случае чего, отпугнуть любопытствующих. Все это выглядело монументально и враждебно. Вдоль реки, на

¹¹ Цистерцианцы – католический монашеский орден, отколовшийся в XI веке от ордена бенедиктинцев с целью строго соблюдать очень аскетичный изначальный бенедиктинский устав.

низком берегу, виднелись освещенные лунным светом лужайки, а горные склоны, окружавшие монастырь, густо поросли лесом.

Марианна... именно отсюда она и посылала призывы о помощи...

Мартен миновал спуск, проехал по небольшому каменному мосту в виде арки и поставил машину в нескольких метрах от ворот, под дубом, который, наверное, прожил не одну сотню лет.

Выйдя, он поразился вековой тишине этого застывшего пейзажа, вне времени и вне мира.

Широким шагом подошел он к высоким деревянным воротам и увидел выбитую на камне надпись *Vultum Dei quaerere*, то есть *Искать Лик Божий*. Слова блестели в лунном свете. И Сервас вдруг словно перенесся на несколько веков назад, в те времена, когда монахи вырубали и выкорчевывали окрестные леса, чтобы торговать древесиной и распахивать землю. Или в самое начало религиозных войн, когда протестанты еще не успели разграбить и уничтожить большую часть монастырей на юго-западе. Или во времена, когда Революция еще не выгнала монахов.

Вдруг он вздрогнул.

В тишине зазвучал хорал. Вверх взметнулись звуки такой красоты, что он на миг застыл и слушал, как замороженный. Звуки доносились из одного из зданий. Мужские голоса своей чистотой напоминали детские и взмывали легко, как летящие скворцы. Мартен взглянул на часы. 4.15. Всенощная. Первая служба. Монахи, соблюдавшие устав святого Бенедикта, вообще почти не спали. По правилам, они все дни целиком посвящали труду и молитвам, совсем не оставляя времени для сна.

Массивная дверь, украшенная гербом, была снабжена бронзовым молотком, но рядом виднелась и кнопка переговорного устройства. Когда Сервас нажал на кнопку, в лесу заухала сова.

Прошли две бесконечно тянувшиеся минуты, и в устройстве раздался голос:

– Кто там?

– Капитан Сервас, Региональное Управление уголовной полиции Тулузы, я хотел бы поговорить с вашим настоятелем, – решительно заявил он, молясь про себя, чтобы монахи не позволили в ближайшее отделение жандармерии.

– Какой капитан?

– Сервас. Уголовная полиция.

– Вы на часы смотрели?

– Да. Но у меня вопрос чрезвычайной срочности.

– Что за вопрос?

Судя по голосу, ни его принадлежность к уголовной полиции, ни позднее время визита на собеседника никакого впечатления не произвели. Видимо, жизнь вдали от мира, «так близко к Богу», делала монахов в известной мере нечувствительными к непредвиденным ситуациям повседневности.

– Суть вопроса я изложу только настоятелю, – категорически отрезал Сервас.

– Подождите.

Он стал ждать. Еще добрых минут пять. Нетерпение, как кислота, разъедало желудок. Еще трижды нажимал он кнопку, но никто не ответил.

Наконец пение стихло. Спустя минуту одна из створок двери открылась, и на пороге появилась высокая фигура. Человек был выше Серваса ростом, одет в длинную белую тунику, перехваченную в талии поясом, и в черный наплечник. Резкие черты лица и мощный подбородок чуть смягчала окладистая, с проседью, борода. Глаза под густыми бровями блестели за стеклами очков в металлической оправе, и это придавало ему строгий, высокомерный и хищный вид. Сервас подумал, что договориться с ним будет нелегко.

– Меня зовут отец Адриэль. Мой приор сказал, что вы капитан полиции, это так?

Никакой преамбулы, ни даже «здравствуйте». Сразу перешел к делу. Голос оказался звучным и ясным баритоном. Сервас дал бы настоятелю лет семьдесят.

– Да, я...

– У вас есть какой-нибудь документ или что-нибудь?

Вопрос был задан раньше, чем рассчитывал Сервас. *Нет, ничего нет, потому что я отстранен от работы.* Лампа над дверью светила тусклым желтоватым светом. Мартен достал свой тулузский проездной, помахал им перед лицом аббата, как фокусник, и сразу спрятал.

– Прошу прощения, я не разглядел, – не унимался настоятель. – Вас не затруднит дать мне взглянуть более внимательно?

Вот оно что, аббат, оказывается, подозрительный. И было отчего, учитывая, что в этих краях церкви грабили каждый день.

Тогда он вытащил из нагрудного кармана газетную статью, которую выудил в ящике стола: «Ля Деш» за 2009 год. Статья была напечатана в региональной газете после завершения дела о коне без головы¹². Он надеялся, что настоятель узнает его на фото, хотя и прошло уже девять лет. Тот быстро пробежал статью, не обращая внимания на тусклый свет, поднял глаза, чтобы увидеть лицо Серваса, и в очередной раз посмотрел на фотографию.

– Извините, – сказал священник, возвращая заметку, – за последнее время было несколько краж и порчи имущества в аббатстве, и это сделало нас подозрительными. Мы не настолько далеки от мира, как нам бы того хотелось.

Аббат не сводил с Мартена изучающего взгляда.

– Не скрою, что из этого ничего не следует. Что привело столь... *выдающегося* сыщика в наше аббатство, да еще в такой час?

В его голосе не было и намека на сарказм.

– Это довольно долго объяснять, – сказал Мартен. – Но в то же время дело очень срочное. Вы позволите мне войти?

Он видел, что аббат колеблется. Дверь аббатства, и он это знал, была границей между миром *внешним* и *здесьним*, между миром светским и уставным – то есть подчиненным уставу – миром монахов. Когда-то властители заезжали сюда, чтобы сделать пожертвования, а беднота – чтобы получить еду. Но дальше двери они не заходили. Даже в XXI веке монастырь был территорией закрытой, и визитерам здесь не всегда были рады.

– Входите, – сказал, наконец, аббат.

В полумраке монастыря лицо аббата напоминало посмертную маску, восковая кожа была словно натянута на впалые скулы и крупный орлиный нос. Тонкие губы дрожали в густой бороде. Аббат откашлялся.

– Это поистине ужасная история, – прокомментировал он.

Глаза его сверкнули в темноте.

– Как же можно так долго причинять страдания, пытаться и унижать?

Сервас посмотрел на часы. Он не имел времени бросить даже беглый взгляд на средневековый интерьер, на галереи, подчеркнутые аркадами из круглых арок, которые при других обстоятельствах привели бы его, ценителя архитектуры, в восторг. Время подхлестывало, и ему удалось быть настолько кратким и убедительным, насколько возможно, применяя выражения «похищена», «изнасилована», «убежала», «находится в опасности».

– Отец мой, нам нужно...

– Если все это настолько не терпит отлагательств, почему вы отправились один? – осторожно спросил священник. – Отчего не запросили подкрепление? Я не понимаю.

Сервас почувствовал, как его охватывает отчаяние.

¹² См. роман «Лед».

– Я же сказал вам: время поджигает. Если бы я поднял среди ночи своих коллег, то привести их в движение заняло бы несколько драгоценных часов.

– Но вы же могли оповестить жандармерию Эгвива, они были бы на месте гораздо раньше вас...

А он вовсе не глуп, этот аббат... Ему снова послышался голос Марианны: «Не обращай в полицию. Обещай мне!» Его вдруг охватило жуткое, опустошающее сомнение: а что, если вот этим самым, приездом сюда, он погубил ее? Но ему тут же пришла в голову успокоительная мысль: в ночном лесу уж точно можно найти, где спрятаться. *Она где-то здесь, она его ждет.*

– Да послушайте же! – крикнул он. – У меня нет времени все вам объяснять! Есть среди ваших монахов кто-нибудь, кто хорошо знает лес?

– Почти все: мы здесь делаем порубки и любим гулять по лесу и предаваться размышлениям...

Аббат встряхнулся, словно до него, наконец, дошло, что медлить нельзя.

– Я сейчас их соберу, и мы вместе отправимся на поиски! У вас есть ее фото?

6

Ночь выдалась темная-темная. Перед Сервасом разворачивалась картина, которой ему никогда раньше видеть не доводилось: монахи, словно прибывшие прямиком из Средневековья, разгоняли тьму электрическими фонариками. Они шли молча, царапая тонкими иглами фонарных лучей мощные стволы и иголки пихт, призрачные белые туники развевались во мраке, а ночь за пределами островков света становилась еще темнее. Можно было подумать, что это легион призраков явился из кошмарного сна какого-нибудь кающегося грешника. Из-под ног у них выпрыгивала всякая мелкая живность, напуганная такой активностью в неурочный час, и спешила юркнуть в кусты. Стволы деревьев поблескивали в свете фонариков, и каждая выбоинка, каждый корешок были обведены черной тенью. Весь этот растительный лабиринт, с его непроходимым переплетением ветвей, кустов терновника, паутины и мха, сам по себе был прекрасным убежищем, и это немного успокаивало. Если Марианна пряталась здесь, то вероятность, что преследователь обнаружит ее, мала. Однако эта мысль навевала тревогу: кто же ее преследовал? Гиртман сидел в тюрьме далеко отсюда. Выходит, он кому-то передал «эстафету». Но кому? Такому же, как он сам? А может, кому-нибудь заплатил?

Сервас посмотрел на часы: 4.53. С звонка Марианны прошло уже больше трех часов. Что она делала все это время? Пряталась или бросилась бежать дальше? Где она сейчас?

– Марианна! – позвал он.

По ту сторону леса невидимая гора ответила ему эхом. Он прислушался. Никаких звуков, кроме эха. Давящая тишина над долиной и чернота ночи, которую прорезали лучи фонариков, больно били по нервам. *Где же она?* Тревога и тоска охватили Серваса. Его рассудок, подпавший под власть непроглядной тьмы леса, стал настолько беззащитен, что в нем иссякли все мысли. Теперь имела значение только одна: Марианна где-то здесь, может быть, всего в нескольких метрах, может быть, без сознания, и он вполне мог пройти мимо и не увидеть ее. Минуты бежали одна за другой, и паника все возрастала. *Он обязательно должен найти Марианну. Немедленно. Он не мог позволить себе потерять ее во второй раз.*

Эта бесконечная ночь была самой ужасной из всех, что ему довелось пережить. Монахи в своих белых, почти фосфоресцирующих в темноте балахонах казались участниками какого-то бессмысленного балета. А он все шел и звал, и ему казалось, что перед ним какой-то заколдованный замок из зловедных растений.

В эту тревожную ночь ему приходилось отгонять от себя поистине дантовские видения, одолевавшие разум. Ему чудились истекающие кровью деревья, с которых в свете фонариков,

как брызги краски, сыпались яркие красные капли... Он видел Марианну с веревкой на шее, висящую на одной из окровавленных ветвей и дергающую ногами в пустоте... На тропе между деревьями возникала высокая мужская фигура с ножом в руке... По мере того как они углублялись в лес, надежда найти Марианну постепенно таяла, и Серваса охватывала лихорадка.

Он не смог бы сказать, сколько времени прошло, но в просвете между стволами пихт увидел, что небо начало светлеть. Теплый воздух с приближением рассвета стал дрожать, проснувшаяся долина запахла хвоей и смолой. *Где же она?* Он звал еще и еще, и его голосу каждый раз насмешливо вторило эхо.

– Сюда! – крикнул вдруг один из монахов.

Они с настоятелем поспешили на зов. Высокий монах с головой, похожей на птичью, направил луч фонарика на землю. Они посмотрели вниз. *Там лежал мобильник...* Разбитый. Видимо, на него наступили или ударили камнем. У Серваса кровь застыла в жилах. Он обшарил лучом фонарика окрестные пихты. Оставалась надежда, что, может быть, это не телефон Марианны. Правда, эта надежда была не крепче тонкой шелковой нити.

Он присел на корточки, поднял телефон, завернув его в бумажный носовой платочек, и опустил в прозрачный полиэтиленовый мешок.

Вставая, он поймал на себе взгляд настоятеля. Тот явно помрачнел: аббат, может, и жил в отдалении от мира, но, по всей видимости, был знаком с его темными сторонами.

– Продолжим поиски, – сказал он.

Прошел еще час, и все были вынуждены уступить очевидности: они отмахали по горам километры, но не обнаружили никаких следов Марианны. Монахи, которые рассредоточились по лесу, чтобы расширить пространство поиска, теперь собрались вокруг них на перекрестье двух дорог и стояли, не говоря ни слова. Сервас вспомнил, что они давали обет молчания или что-то в этом роде: имели право говорить, только когда в том действительно была необходимость. Со всех сторон слышался шелест ткани и поскрипывание сандалий, и он, сам не зная почему, вдруг подумал о хищных грифах, которые хозяйничали в горах, сбивались в стаи и жестоко бились за каждый кусок падали. А еще он заметил, что далеко не все монахи были в хорошей физической форме: некоторые из них тяжело, со свистом, дышали, кое-кто присел на камень или прислонился к дереву, чтобы передохнуть, словно они пробежали марафон. Они вытирали вспотевшие лбы, и рты их были широко открыты, как у рыб, выброшенных на берег.

– Я буду продолжать, – сказал он.

Большая узловатая рука настоятеля легла ему на плечо.

– Это ни к чему не приведет. Будь она здесь, мы бы ее нашли. И она бы отозвалась. Мне очень жаль.

Сервас хотел еще что-то сказать, но рука крепко сжала его плечо. И он понял. Аббат хотел сказать: «будь она здесь, да еще живая...» Вдруг по верхушкам пихт пронесся ветер.

– День начинается, нас ждут *Laudes*, службы после заутрени, – вмешался краснолицый толстяк со светло-голубыми водянистыми глазами, – настоящая карикатура на каноника: его солидный живот натягивал и тунику, и наплечник.

Сервас узнал голос в переговорном устройстве. Должно быть, это был приор. Мартен знал, что в задачи приора входило управлять монастырем и замещать настоятеля. С самого начала поисков он выглядел раздраженным и время от времени бросал на Серваса злобные взгляды, и у того появилось подозрение, что перед ним сторожевой пес монашеского сообщества. Такой всегда найдется.

Аббат согласно кивнул и посмотрел на Серваса.

– Вам надо бы предупредить жандармов.

– Я собираюсь это сделать. Но сначала хочу попросить вас еще об одном одолжении. У вас есть какая-нибудь мастерская, словом, помещение, где вы что-то мастерите или чините?

– Конечно, – ответил настоятель, начиная понемногу спускаться со склона, и за ним, как овцы за пастухом, потянулись остальные.

– Мне понадобится сильный клей вроде «Суперглю», газовая горелка или плита и пластиковая коробка. И буквально на один момент я бы попросил впустить меня на кухню.

– На кухню... а зачем? – послышался сзади голос приора, который, видимо, не соблюдал обет молчания.

Если настоятелю и не понравилось его вмешательство, он не подал виду.

– Довольно, Ансельм, – спокойно сказал он. – У господина комиссара есть свои соображения.

– У капитана, – поправил его Сервас.

Брат Ансельм от высказываний воздержался, но Мартен спиной почувствовал тяжелый взгляд толстяка. Свет уже проникал между пихтами узкими полосками, которые освещали подлесок, как позолота освещает часослов. Это место, несомненно, обладало известной магией, и даже в таких обстоятельствах Сервас ее ощущал. Было в долине что-то щемящее и в то же время торжественное. В общем, почти религиозное. Неудивительно, что много веков назад монахи выбрали ее, чтобы выстроить здесь церковь.

Склон становился все круче, и теперь надо было внимательно смотреть, куда ставишь ногу, потому что после каждого шага вниз сыпались камни. Они вышли из леса, и внизу их глазам внезапно открылся весь ансамбль монастыря: церковь с колокольной, большое монастырское здание, старинные постройки, где жили послушники и монахи. Возле реки, за оградой, Сервас заметил фруктовый сад, огород и садик с лекарственными травами. Тут же, у стены аббатства, в том месте, куда выходили «врата мертвых», располагалось маленькое кладбище. А справа, километрах в трех, высокие вершины величаво взмывали к подернутому дымкой небу, которое быстро светлело.

От монастыря поднялся легкий, прозрачный колокольный звон, призывающий монахов ко второй службе, к *Laudes*. Было только семь утра. И Сервас подумал, что не случайно святой Бенедикт создал такой устав, чтобы изнурять монахов работами и недосыпом, тем самым избавляя их от искушений. Он и сам чувствовал себя утомленным и опустошенным.

У него был шанс, а он его пропустил. *Где же сейчас Марианна?* Может, похититель увез ее далеко отсюда? От этой мысли он похолодел. Мысль, что ей удалось бежать после восьми лет неволи, а потом ее снова поймали, была невыносима.

Он не мог ни думать, ни дышать как следует. Грудь словно сжало тисками, и на секунду какие-то белые точки закрыли собой пейзаж, и перед глазами все поплыло.

– Вам плохо? – спросил аббат.

Да уж, от него решительно ничего не скроешь.

– Нет, нет, все в порядке.

Но в следующую секунду ноги у него вдруг стали легкими, а горы и лес закачались, словно кто-то поддал ногой по картине, и он провалился в какую-то черную дыру.

7

– Резкое падение давления, вагальный криз¹³, – поставил диагноз врач. – Несомненно, это из-за пережитого вами сильнейшего стресса. Мы вас забираем, необходимо провести дополнительные обследования в больнице.

– На это нет времени, – сказал Сервас, сидя на краю узкой кровати. – Забудьте об этом.

– Тогда вы должны расписаться в отказе от госпитализации.

¹³ Также синдром Говерса – дурнота, вызываемая предположительно сильным раздражением шейного отдела блуждающего нерва.

Вокруг них сустились санитары «Скорой помощи», готовые пустить в ход всю свою аппаратуру: многофункциональный монитор, аптечку неотложной помощи, и кто-то уже приклеивал ему на грудь электроды для кардиограммы, кто-то накладывал на руку браслет для измерения давления, а на указательный палец – оксиметр. И все это делалось в рекордное время и фактически одновременно.

– Вам надо отдохнуть, – настаивал доктор.

Сервас кивнул, но без особой убежденности. Минуты через три бригада уехала. Под тяжелыми веками аббата пробежала молния.

– Вся эта история – очень личная для вас?

Чтобы задать этот вопрос, он дождался, когда они останутся одни. Сервас помедлил, поднял голову, заглянул в его серо-стальные глаза и кивнул.

– Вы когда-то знали эту женщину...

На этот раз вместо вопроса прозвучало утверждение.

– Я очень давно был с ней знаком.

Он поднял глаза на распятие, висевшее на выбеленной стене за спиной аббата: *Cristus dolens*, Христос страдающий. Лицо его искажено болью, он один на кресте, покинутый и Богом, и людьми.

– И она когда-то была вам очень дорога.

Снова утверждение, произнесенное спокойным, глубоким голосом.

– Итак, если я вас правильно понял, восемь лет назад ее похитили, и после этого вы не имели о ней никаких известий. А теперь она вдруг объявилась, попросила у вас помощи и снова исчезла... И все, похоже, указывает на то, что ее силой удерживали какое-то время недалеко отсюда, *совсем рядом с нашим монастырем...*

Высокий священник, казалось, снова вернулся в свое прежнее состояние. Глаза его подернулись дымкой, словно он страдал катарактой.

Сервас еле удержался, чтобы не поморщиться.

– Возможно, ей пришлось пройти много километров, прежде чем удалось мне позвонить.

Аббат пожал плечами.

– Очень может быть... Здесь не так много мест, где телефон берет. Даже в монастыре не везде есть сеть. Но это не создает нам больших проблем.

– А не приходилось ли вам часто видеть возле монастыря одни и те же лица?

– Не припоминаю. Есть, конечно, любители путешествий, которые паркуются на площадке чуть поодаль. Оттуда в долину расходятся все туристские тропы. Несколько раз сюда забредали любопытные. Вот, пожалуй, и все.

– А она не могла укрыться где-нибудь здесь? – рискнул Сервас, прекрасно понимая, что таит в себе подобный вопрос.

Глаза старого величавого орла снова сверкнули.

– Это невозможно, – отрезал он. – Наша община очень маленькая. И я, и приор оба знаем в монастыре каждый уголок. И совершенно немыслимо, чтобы кто-то мог здесь укрыться без того, чтобы это сразу не стало нам известно. Весьма нелепая мысль.

Сервас понимающе кивнул.

– У вас нашлось все, что я попросил?

Аббат поднял бровь и погладил бороду.

– «Суперглю» и плитка?

Сервас оглядел инвентарь. По-деревенски грубоват, но сгодится. По крайней мере, он на это надеялся. Налив «Суперглю» в бутылочку с дыркой в пробке, он соединил ее трубочкой с пластиковой коробкой, где лежал разбитый мобильник. Затем он герметизировал коробку

широкой клейкой лентой и поместил в наполненную водой раковину, оставив ее плавать по поверхности. Бутылочку же он поставил в кастрюлю с водой, а саму кастрюлю – на огонь.

– Это называется «фумигацией», – объяснил он. – Принцип такой: цианоакрилатный клей нагревают, чтобы он обратился в пар, который попадает в трубку и затем вступает в реакцию с секретами сальных желез. В результате формируется полицианоакрилат, который красит отпечатки пальцев в белый цвет. Если, конечно, отпечатки есть. А предмет исследования, в данном случае телефон, надо поместить в герметичную емкость с высокой влажностью, отсюда и раковина с водой.

– Впечатляет, – заметил аббат.

– Такую процедуру провести легко, а главное – она дешевая...

Вода в кастрюле закипела. Они открыли окна в кухне, чтобы пары не распространились по помещению, и наблюдали, как они медленно вползают в трубку, а из нее – в пластиковую коробку.

– Должно хорошо получиться, – оценил Сервас.

Он выключил газ под кастрюлей, подождал несколько секунд, потом отсоединил трубку от коробки и поднес коробку к окну. На подоконнике он ее разгерметизировал и снял крышку.

– Посмотрите.

Аббат подошел и стал рядом. На черном пластике проявились три великолепных четких отпечатка.

Комплекс жандармерии Эгвива представлял собой ансамбль из нескольких типичных горных шале с деревянными резными балконами и шиферными крышами. Вот только фасады явно нуждались в покраске, а оконные рамы давно пора было заменить. Это относилось и к больницам, и к университетам региона... В 2017 году Франция, по сведениям Организации экономического сотрудничества и развития, стала одной из стран, где люди платили самые высокие налоги. Куда же девались деньги?

«Подразделение высокогорной жандармерии», – прочел Сервас на одном из зданий. Но вошел в то, что стояло сбоку и где было написано просто «Жандармерия».

Подойдя к небольшой конторке, он обнаружил за ней совсем молодого парня, вряд ли старше тридцати. И снова перед ним встал вопрос, как себя вести без знаков отличия. Он решил сыграть на авторитете.

– Капитан Сервас, уголовная полиция Тулузы, – отрекомендовался он. – Я хотел бы поговорить с командиром подразделения.

Капитан Элюа Ангард посмотрел на Серваса, как фотограф-любитель посмотрел бы, наверное, на Анри Картье-Брессона¹⁴ или Ричарда Аведона¹⁵, будь они еще живы. Он исправно читал прессу, и имя самого знаменитого в этих краях сыщика, который расследовал дело о коне без головы, распутал убийства в Марсаке и поймал серийного убийцу Юлиана Гиртмана, наверняка было ему известно. Он служил в жандармерии, а потому не особенно доверял сыщику из уголовной полиции¹⁶, который не ладил с правосудием. А вот того, что Серваса отстранили от службы, он, видимо, не знал – откуда ему знать? И Мартен решил воспользоваться

¹⁴ Анри Картье-Брессон (1908–2004) – великий французский фотограф, один из первопроходцев фотодокументалистики. (Прим. перев.)

¹⁵ Ричард Аведон (1923–2004) – американский фотограф, мастер документальной, портретной и модной фотографии. (Прим. перев.)

¹⁶ Между национальными службами жандармерии и полиции Франции существуют исторические трения (в некотором смысле напоминающие конфликты ФБР и полиции штатов в США, знакомые по американской кинопродукции); жандармы, подчиняясь министерству обороны и являясь войском, одновременно находятся в ведении министерства внутренних дел и выступают – помимо прочих функций – в качестве провинциальной полиции (небольшие города, пригороды, сельская местность), тогда как собственно полиция действует в крупных городах и агломерациях.

той искрой интереса, что вспыхнула в глазах капитана, когда он положил перед ним на стол фото Марианны.

– Нет, к сожалению, я ее не знаю и никогда здесь не видел, – сказал Ангارد, подняв голову от снимка. – Говорите, она снова объявилась через восемь лет и позвонила вам откуда-то отсюда?

Он поскреб пучок соломы, служивший ему бородой.

– Совершенно верно, – ответил Сервас, – я получил телефонный звонок нынче ночью.

– И вы только сейчас об этом заявляете?

– Я помчался в аббатство и просил монахов помочь мне обыскать лес. Нельзя было терять времени, и потом, они хорошо знают эти места.

– Мои люди тоже... Мы бы прибыли через пять минут, – заметил капитан, – и в вашем распоряжении было бы больше людей.

Сервас снова вспомнил о предупреждении Марианны.

– Я запаниковал, – соврал он. – Вы правы, возможно, я рассудил неправильно.

– И все, что вы нашли, это... *телефон*.

Жандарм мрачно взглянул на черный мобильник с белыми отпечатками пальцев, лежащий у него на письменном столе.

– Надо отправить отпечатки в отдел технической службы, чтобы их сравнили с отпечатками Марианны Бохановски. И проверьте, пожалуйста, доступны ли хоть какие-нибудь данные с этого телефона.

– Для этого я должен связаться с отделом департамента По, – подчеркнуто значительно произнес капитан. – Это исследовательский отдел, там имеются все технические средства, чтобы провести такой анализ.

Сервас одобрительно кивнул.

– Незачем говорить им, кто я такой. Это только все усложнит: полицейский вмешивается в расследование жандармерии... впрочем, на ваше усмотрение.

Офицер все больше удивлялся.

– Но мне же надо будет объяснить, как мы нашли телефон и почему мы разыскиваем эту женщину, – возразил он, не скрывая недоумения.

– Назовите мое имя, но не надо привлекать внимание уголовной полиции: я здесь как частное лицо. Официально никакое дело не возбуждено.

Несколько секунд Элюа Ангارد изучал Серваса, пытаясь понять, где тут подвох.

– Ладно, – сказал он, наконец.

«Этот парень – просто прелесть», – подумал сыщик. Капитан обладал внешностью мясника: огромные лапищи, короткое бочкообразное тело, кроткий взгляд, а вокруг головы ореол светлых рыжеватых волос. На вид ему было лет сорок пять. Сервас принялся разглядывать небольшой кабинет, окна которого выходили на горы. На картотеке с металлическими ящиками красовались десятки спортивных трофеев, стены были увешаны афишами разных фильмов, а на столе стояли стаканчики, битком набитые авторучками всех сортов и калибров. Ангارد перехватил его взгляд.

– Ну да, знаю, – смущенно сказал он, – я не люблю расставаться с вещами. И дома у меня все то же самое.

Сервас никак не отреагировал.

– Мои люди хорошо знают здешние горы, – продолжил офицер. – Я попрошу их еще раз все прочесать...

Сервас снова ничего не сказал.

– У вас есть компьютер и приличный принтер? – вдруг спросил он.

– Э... да, конечно.

– Кто-нибудь у вас в лаборатории умеет пользоваться фотошопом?

Спустя десять минут он вышел с пачкой листовок в формате А4, с портретом Марианны, объявлением о розыске и контактным телефоном (своим собственным), совсем как при розыске потерявшихся кошек. Он вернулся в машину и поехал, останавливаясь на каждом значительном перекрестке, у каждого выезда и расклеивая листовки, как на предвыборной кампании. На улицах было полно народу. Настало лето. Солнце в зените и сильная жара вытаскивали обитателей города из домов, и улицы выглядели весело, нарядно и оживленно. Луга на горных склонах звенели коровьими бубенчиками, а солнце норовило сокрушить снежные вершины под ярко-голубым небом. Но стоило отдалиться от центра, как на глаза сразу попадались стандартные индустриальные наслоения: глубокие шрамы карьеров, пыль цементных заводов, склады, опорные башни, вездесущие сталь и бетон в самом центре нетленной красоты гор.

Сервас расклеивал фото Марианны, а внутри нарастали тоска и беспокойство. Больше, чем беспокойство: какое-то бешенство. Возникла уверенность, что все его усилия напрасны и он суетится без всякой пользы, только для очистки совести, чтобы потом иметь возможность сказать: вот я пытался сделать все, что от меня зависело.

Где-то совсем рядом рыскал похититель Марианны. Он один знал, где она. *Это его территория...* Он здесь у себя дома. Увез он ее куда-нибудь далеко или, наоборот, прячет где-то поблизости? У Серваса возникло впечатление, что он предал Марианну. Не надо было ее слушать, а надо было сразу же, с первой секунды, вызывать жандармов, поручить Гюстава заботам Леа и мчаться сюда, не теряя времени. А он попусту растратил драгоценные часы. Расклеивая последние фотографии, он мысленно обращался к ней: «Если тебе удалось бежать, значит, где-то ты должна была оставить следы. Ты умна, хитра, возможно, истощена и немного не в себе после всех лет, проведенных в неволе. Какую стратегию выбрал бы на твоём месте я? Я бы себя повел, как Мальчик-с-пальчик... Ну да, я бы сыпал камешки или еще что-нибудь, оставлял какие-нибудь знаки, которые указывали бы на моего похитителя...»

Почему она не назвала похитителя по телефону? *Потому что связь прервалась раньше, чем...* Или она потеряла сеть, или у нее сел аккумулятор, или тот, кто ее преследовал, догнал ее и вырвал телефон из рук? Разбитый телефон, найденный на тропинке, говорил в пользу последнего предположения, и Сервас содрогнулся.

Вернувшись в машину, он притормозил возле булочной и взял себе сэндвич с тунцом и майонезом и бутылку воды, а в спортивном магазине приобрел карту Инспекции национальной жандармерии масштаба 1:25 000 и походный компас. Потом снова повернул к аббатству. Спустившись в долину, припарковался на небольшой утоптанной стоянке, мимо которой проехал, когда искал монастырь. От стоянки отходило множество троп. Несомненно, аббат говорил именно об этой площадке.

Дверца автомобиля хлопнула в тишине долины, которую нарушало только журчание реки. Стояла жара, термометр показывал выше 35². Высокая трава вокруг площадки трепетала от снующих в ней бабочек и прочих насекомых. А под бледно-голубым небом на склон горы волнами взбирался лес.

Сервас достал телефон и проверил: сеть была. *Всего одна палочка.* Он терпеть не мог эту тиранию технологий, проникавших даже в самые отдаленные места. Хотя приходилось признать, что без этих технологий Марианна не смогла бы позвать его на помощь.

На стоянке не было ни души. Он разложил карту на капоте, установил репер, достал фло-мастер и поставил на карте метку «С» (сеть). Потом отправился пешком по одной из трех тропинок, которые, похоже, проходили над монастырем. Его было отсюда видно, до него было метров двести. Сервас вошел в лес. В лесу тоже стояла тишина, только птицы заливались вовсю. Под деревьями стало еще жарче. Ни ветерка, ни дуновения... Долина словно застыла в желтом янтаре.

Через каждые сто метров – взгляд на экран телефона. Одна палочка... ни одной, ноль... Показатель сети ни разу не поднялся выше. На карте он методично отмечал крестиком места,

где сети не было, и буквой «С», где сеть была, собираясь таким образом разграфить все окрестные тропинки и разделить их на участки.

Сервас углубился в лес, в зеленый собор с витражами из листьев, пронизанных солнечными лучами, и почувствовал, как сменяют друг друга запахи с изменением высоты, направления и почвы. Липа, орешник, клены, дубы, буки, лиственницы, папоротник... Очень быстро он запыхался, спина взмокла, струйки пота покатались по щекам. В мире зелени воцарилась удушающая жара. И ни души кругом. Только мухи изводили его, тучи мелкой мошки вились над головой, над тропой зудели комары, привлеченные запахом человеческой крови. Сервас терпеть не мог эти деревенские прелести.

Вдруг он резко остановился. За спиной послышались крики. Ярости, волнения или страха? Понять было невозможно. Голоса пронзили лес, как копыя. И в голове промелькнула мысль: *«Пришел и мой черед...»* Он обернулся, но ничего не увидел. Крики звучали все ближе, вот они уже за ближними деревьями и кустарником, радостные, дикие и воинственные. С бьющимся сердцем Мартен взгляделся в зеленый туннель, который чуть дальше образовывал плавный поворот, и услышал нарастающий гул. «Вертолет», – подумал он и весь подобрался, чувствуя опасность. Что-то происходило, но он не понимал, что именно.

И вдруг он их увидел. Они выскочили из-за поворота и мчались прямо на него, как отряд легкой кавалерии. Застыв на месте, он проводил глазами три квадроицикла, которые с грохотом пронесли мимо и обдали лес дымом движков. На них сидели оружие и хохочущие подростки. Хохот и воинственные вопли быстро стихли за поворотом, остался только едкий дымок выхлопов.

Сервас немного подождал, пока успокоится сердце. Он очень рассердился: выходит, больше нигде уже невозможно обрести покой.

Он пошел дальше и вдруг заметил, что солнце исчезло, подлесок наполнился тенями и где-то заворчал гром. Сквозь листву проглядывало теперь низкое и мрачное небо, все в серых облаках. Приближалась гроза. Над тропой, шурша листвой, пролетали порывы холодного ветра. А еще через несколько секунд сверху упали первые крупные капли, небо разверзлось, и вниз обрушились потоки дождя. Сервас сразу промок. Внизу перед ним что-то виднелось, какое-то маленькое белое строение... Он побежал туда и очутился в крохотной часовне, готовой вот-вот обвалиться. Однако обросшая мхом крыша, похоже, могла еще укрыть от дождя. Он с разгону влетел в полумрак часовни, где воняло гнилью и мочой, и теперь смотрел на стену дождя, бушевавшего снаружи. Промокший и дрожащий, он укрылся в темноте, слушая, как барабанит дождь по дырявой крыше, которая ручьями пропускала воду и совсем не заглушала раскаты грома. Ему вдруг отчаянно захотелось закурить.

Мартен удивился, отчего это желание не возникло раньше. Может, дело в антиникотиновом пластыре, а может, просто было некогда. Он ведь весь день пробегал. Тогда он нашарил в кармане антиникотиновую жвачку.

Когда же в последний раз на равнине шел такой дождь? Весь Юго-Запад замучила засуха. Земля трескалась, урожай выгорал на корню, ручьи и ирригационные каналы пересохли. Минут через двадцать ливень прекратился. Сервас шагнул из своего убежища в лес, наполненный новыми запахами и прохладой, и уже собирался вернуться на стоянку, как его внимание привлекла надпись на внешней стороне одной из стен часовни.

Назначение надписи сомнений не вызывало. Кто-то наскоро, грубо намалевал стрелу и рядом – слова «шмаль» и «кокс». Такие надписи попадались ему на глаза в Бельфонте, одном из районов Тулузы, и в других западных пригородах. Он сфотографировал надпись и пообещал себе рассказать о ней в жандармерии: а вдруг кто-нибудь из их клиентов или торговцев наркотиками что-нибудь видел. Потом снова сел в машину и поехал в Эгвив, но меньше чем

через километр затормозил и повернул назад. Может, монахи знали, кто из молодых парней приторговывает наркотиками в лесу?

Сидящего у себя в кабинете аббата этот вопрос, казалось, поставил в тупик.

– Их уже ловили в лесу, но у нас с ними нет никаких контактов. Они даже, как бы это сказать... не воцерковлены...

Кабинет аббата соответствовал стилю часовни: массивные каменные стены, стрельчатые арки потолка, а за большим, как стол Тайной вечери, дубовым столом – небольшой цветной витраж.

– Благодарю, отец мой, – сказал Сервас, с которого ручьем стекала вода. Дождь пошел снова, и ему пришлось довольно долго ждать под ливнем, пока приор откроет дверь.

Он встал. Снаружи небо сотрясал гром, летний дождь непрерывно барабанил по высоким узким окнам. Священник внимательно на него смотрел.

– Вы вернетесь в Тулузу или рассчитываете провести ночь в Эгвиве?

– Я заночую в отеле, а завтра продолжу поиски.

Аббат широко повел руками, словно приглашая посмотреть на стены, и взгляд Серваса задержался на библиотеке, где он заметил «Сумму теологии» Фомы Аквинского и «Словарь библейской теологии». А на столе он заметил ноутбук... *Tempora mutantur*: времена меняются, даже для монахов.

– А почему бы вам не остаться на ночь здесь? Здесь вас никто не побеспокоит.

– Я полагаю, вы не особенно жалуете визитеров...

Губы священника растянулись в тонкую улыбку.

– Не обманывайте себя, – ответил он. – Гостеприимство – наша традиция. Случается, что мы принимаем художников или даже политиков, только что вышедших на пенсию, которые хотят хоть на несколько дней отдалиться от безумной жизни. Но мы не так широко развиваем эту деятельность, как другие аббатства. Наши гости обретают здесь душевный покой, возможность отойти от мирского шума... Поживите у нас, сколько захотите. Добро пожаловать.

Это предложение застало Серваса врасплох. Он его совсем не ожидал, как не ожидал и такого проявления симпатии.

– Я, пожалуй, уступлю искушению и соглашусь, – сказал он с улыбкой.

В глазах аббата промелькнула насмешливая искорка, и он улыбнулся в ответ.

– Вам простится слабость перед таким искушением.

Он поднялся с места.

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Если хотите отдохнуть и хорошо выспаться, но с трудом засыпаете, у нас есть брат-аптекарь, который своими простыми средствами сможет помочь заснуть... В любом случае я вам обещаю, что здесь вы обретете покой.

8

Всю ночь, не смолкая, гремел гром и шел дождь. Растянувшись на высокой жесткой кровати, в сероватом тусклом свете, льющемся из окна, Сервас вслушивался в шум дождя, сбегавшего с крыши в желоба и хлеставшего по окнам. А тем временем где-то вдали гром сотрясал небо, и комнату то и дело освещали вспышки молний.

Он ждал, когда же придет сон, когда тиски тревоги, сжимающие грудь, ослабнут и обещанный аббатом покой наконец-то на него сойдет. Но покой все не приходил, хотя обычно звуки и шумы природы его убаюкивали. После последней службы, повечерия, на монастырь спустилась полнейшая тишина. Стало так тихо, что Мартен решил, будто остался один в опустевшем здании.

Келья представляла собой маленькую комнатку около девяти квадратных метров, с выбеленными стенами и полом из неструганых досок. Освещалась она крошечным окошком, пробитым в толще стены, высокая и тесная кровать была вдвинута в альков, рядом стоял письменный стол, похожий на школьную парту, и на стене над ним висело изображение святого.

Возле стола имелась электрическая розетка, а значит, можно было зарядить телефон и сделать несколько звонков. Первый звонок был Венсану, который выложил ему все новости о Гюставе. Похоже, его сын был гораздо общительнее и уживчивее в компании друзей, чем вдвоем с ним.

– Кажется, ты запрашиваешь меню в школьной столовой, чтобы на ужин не приготовить то же самое, – веселился Венсан. – Да ты просто супергерой...

– Интересно, почему отцы-одиночки считаются более героическими, чем матери? – парировал Мартен.

– Может, в мире просто больше супермам, чем суперпап, просто к этому все давно привыкли.

Венсан получил информацию от телефонных операторов. По всей видимости, звонок Марианны был сделан с предоплаченной карты. Как и ожидалось, в зоне одной из трех промежуточных вышек, что в нескольких километрах от монастыря. Других вызовов с этого аппарата не было. «Что думаешь предпринять?» – осторожно спросил его Венсан. Он ничего не ответил и сразу позвонил Леа.

– Ну, вы ее нашли?

– Нет...

Молчание в трубке.

– Что собираешься делать?

– Продолжать поиски.

– А если не найдешь?

– Надеюсь, найду.

Она спросила, сколько еще времени он думает провести в Эгвиве. Он пообещал вернуться завтра и сразу же об этом пожалел.

В восемь вечера он спустился в трапезную пообедать. Просторный, тихий и пустынный зал походил на крипту: низкий потолок, деревянные панели на стенах, полумрак. В монастыре и вправду повсюду царил ночной сумрак, пронизанный тысячами звездочек: свечи былых времен теперь сменили маленькие лампочки. Наверное, сумрак и тишина призваны были напоминать монахам, что все мы смертны. Во рту у Серваса растеклась такая горечь, что он даже не почувствовал вкуса форели, которую ему подал один из монахов. Он спросил у него, куда все подевались, почему в трапезной никого нет.

Монах, на вид такой же старый, как монастырские стены, почти прошептал:

– Братья обедают гораздо раньше, перед последней службой.

И, словно в подтверждение его слов, над аббатством зазвучало песнопение: «Интроитус», вступление к службе. Вернувшись к себе в келью, Сервас пожалел, что не взял с собой ни снотворного, ни зубной щетки, ни пижамы. По длинному тихому коридору он дошел до душевой, включил воду и, наклонившись над раковиной, плеснул себе в лицо. В зеркало он смотреться не стал, чтобы не увидеть на лице отражение собственных пораженческих мыслей, которые уже подкрадывались к нему в темноте. Он рассчитывал, что его свалит усталость, но ложе было слишком жесткое, да и мысли о Марианне не оставляли его.

Марианна, где ты?

Когда-то он любил эту женщину. Может быть, сильнее, чем любую другую до и после нее... Когда они познакомились, оба были студентами в Марсаке и учились на przygotowательном курсе литературного факультета, где собиралась интеллектуальная элита региона. В то время они были как одно целое: одинаково смотрели на мир, одинаково жаждали перемен,

вместе надеялись, вместе сердились и восторгались. С прямо-таки нечеловеческой четкостью он вспоминал сейчас два зеленых светящихся озера ее глаз, ее смех, ее ласки и поцелуи. А потом она его отвергла, уехала с другим, и при этом умудрилась все устроить так, что виноватым оказался он. Прошло девятнадцать лет, прежде чем он снова ее увидел. Тогда она, как и сейчас, попросила о помощи. Ее двадцатилетнего сына Юго обнаружили сидящим на бортике бассейна в доме преподавательницы литературы, которую только что задушили и утопили в этом бассейне¹⁷.

Сервас погрузился в воспоминания, когда вдруг услышал за дверью какой-то шорох.

В коридоре справа раздались почти бесшумные шаги и замерли напротив двери в его комнату.

Он затаил дыхание и прислушался.

Кто-то с другой стороны двери тоже вслушивался, он был в этом уверен. *Этот кто-то явно хотел узнать, спит он или нет...* Мартен уже начал сомневаться, не паранойя ли его одолела, но тут легкий, как сон, шелест шагов повернул в сторону лестницы, ведущей в главное монастырское здание.

Сервас колебался не дольше секунды. В шорохе сандалий было что-то осторожное и скрытное. Что-то, что возбудило сразу и любопытство, и подозрение. Тот, кто бродил тут ночью, не хотел, чтобы его обнаружили. Интересно, почему?

В голове промелькнула мысль, что, если человек за дверью со всеми предосторожностями старался выяснить, спит он или нет, значит, то, что он собирается сделать, может сильно его заинтересовать.

Через секунду он был уже у двери.

¹⁷ См. роман «Круг».

Вторник

9

По счастью, когда Сервас потянул за ручку, дверь открылась совершенно бесшумно.

Реакция у него была молниеносной, а потому он успел заметить тень внизу лестницы в тот самый момент, когда незнакомец, свернув влево, исчез в опоясывающей внутренний двор галерее. *Куда это ты, интересно, направился?* Обуться уже времени не было. Он успел только, подпрыгивая, натянуть джинсы, схватил в руку спортивные туфли и босиком помчался вниз по лестнице в галерею. Быстрым и цепким взглядом он окинул просторный квадратный двор со сторонами около тридцати метров. В центре, на пересечении четырех газонов с цветами, виднелся колодец с взметнувшимися по углам четырьмя темными тисами. Шум дождя перекрывал все остальные звуки. Мартен посмотрел налево и сквозь круглую арку увидел удаляющийся силуэт, который двигался по галерее от одной арки к другой.

Он тоже углубился в галерею, бесшумно и легко скользя босыми ногами по прохладным плиткам пола. Дойдя до центра двора, он рискнул выглянуть. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как бессонный монах исчезает в черной пасти двери на другом конце двора. Сервас рванул вперед что есть мочи и на бегу подумал, что сказали бы высокие полицейские чины, если бы кто-нибудь из них увидел, как он за полночь несется по монастырю. Наверное, его досье, и без того увесистое, стало бы еще тяжелее. Дверь вела в длинный темный коридор. Он пробежал по коридору и оказался в аптекарском монастырском садике.

Силуэт в капюшоне мелькал между деревьев и явно направлялся к окружающей монастырь стене. Его было хорошо видно в блеске молний, разрывавших ночную темноту. Тысячи капель дождя, вспыхивая в свете молний, обстреливали садик, а ветер, раскачивал яблони, как кукол-марионеток. Прежде чем перебежать садик вслед за монахом, Мартен наспех надел туфли и сразу же промок. Мало того что дождь замолотил ему прямо по голове, он оказался на открытом месте: *если монах обернется, он пропал*. Но тот, похоже, привык к ночным эскападам, поскольку не выказывал никаких признаков тревоги или беспокойства.

Сервас видел, как он подошел к низкой двери в углу садика. Сверху дверь была подперта досками. Монах их раздвинул, повернул ручку, нагнулся, прошел в дверь и прикрыл ее за собой.

Сыщик тоже подошел к двери и отметил, что она прогнила, а доски разошлись. Он нагнулся, чтобы заглянуть в щель, но увидел только бешеный ливень в ночном мраке. Тут снова сверкнула молния, а за ней раскат грома, и Сервас воспользовался случаем, чтобы открыть дверь.

Следующая вспышка молнии осветила монаха на подъеме по склону к лесу.

Черт побери, куда тебя несет?

Моргая глазами, в полных воды туфлях, в джинсах, промокших, как половая тряпка в ведре, Сервас шел следом за монахом, прячась за стволами деревьев и то и дело натываясь то на колючий куст ежевики, то на какую-то корягу. Монах дважды обернулся, словно что-то услышав, несмотря на шум дождя и раскаты грома. Мартен еле успел заскочить за дерево. Ему показалось, что он разглядел совсем юное румяное лицо монашка: вот почему тот двигался так быстро и ловко. Когда молния не освещала пейзаж, тьма была такая, что вообще ничего не разглядеть. Карабкаясь в полной темноте, он рисковал столкнуться нос к носу с объектом слежки. Не считая того, что с каждым шагом он обо что-то ранился. Однако при новой вспышке

он увидел, что монах, повернувшись к нему спиной, упрямо карабкается вверх и находится выше его на склоне. *Вот черт, что же он ищет в лесу в такой час?*

Две минуты спустя монах вышел на небольшую поляну возле большого заржавевшего креста, вбитого в обросший мохом и лишайниками пьедестал, и свернул влево. Здесь тропа выпрямлялась и начинала спускаться в долину, образуя в лесу туннель. Сервас напрягся.

Внизу на тропе кто-то неподвижно стоял, сурово выпрямившись, с непокрытой головой...

Сервас различил высокого человека в черном, с бледным, чуть вытянутым лицом. Его белокурые, коротко остриженные волосы блестели при каждой вспышке молнии, и даже в полной темноте было видно, какие светлые у него глаза.

Вдруг блондин повернулся к нему лицом и буквально впился взглядом в заросли. Сервас испугался, что тот его заметит, и застыл, затаив дыхание. Кровь стучала в висках. Это был настоящий всплеск адреналина. Охотничье возбуждение. Запах опасности. Но блондин повернулся к нему спиной и пошел навстречу монаху.

10

В его походке и нарочито замедленных движениях было что-то театральное. *Что-то такое, от чего Сервасу сразу стало не по себе.* Он не смог бы точно сказать почему. Так двигаются хищники или танцоры. От этой походки веяло опасностью. Монашек застыл на месте. Он ждал у креста и смотрел на величаво приближавшегося человека, как собака на хозяина.

Снова вспыхнула молния. Сервас затаил дыхание. Блондин стоял перед монахом. Вокруг его блестящих волос блестел ореол дождевых капель. На какую-то долю секунды сыщик испугался, что он сейчас ударит монаха. Или сделает что-нибудь похуже. Но монах в ответ кивнул головой, потом сунул купюру блондину в руку, а тот взамен дал ему какой-то пакет. Так вот оно что... Это наркодилер... А монах – его клиент. Наркотики разрушали души даже здесь, в долине. Сервас подумал, не время ли ему появиться. Нет, ни в коем случае. У него на руках никакого предписания. Вообще ничего, что давало бы ему право вмешиваться в ситуацию. Официально он вообще уже не сыщик. Члены дисциплинарного совета вряд ли оценили бы его охоту на дилеров, притом что он сам отстранен от службы. Его здесь не должно быть.

Если бы об этом кто-нибудь узнал, его бы немедленно попросили вернуться в Тулузу. Без разговоров.

В следующий миг произошло событие, которого Сервас никак не мог предвидеть. Сначала робко, а потом все более развязно монашек потянулся губами к блондину и поцеловал его. Оба слились под дождем в долгий, сладострастный поцелуй. Ливень усилился, и Сервас почувствовал, как струи воды текут по волосам и по спине. Блондин отпрянул и взглянул на купюру, которую все еще держал в руке.

– Этого недостаточно, – сказал он.

Монашек тоже отстранился, испуганно закивал и вытащил из кармана еще две купюры. Когда же он присел на корточки перед блондином, Сервас отвернулся и воспользовался шумом непогоды, чтобы вернуться к двери. Спускаясь со склона то в темноте, то в ярком свете молний, он пытался понять, откуда монашек берет деньги. Ограничиваются ли все ночные похождения этой парочки только тем, что он сейчас увидел, или *оба могут быть замешаны еще в чем-нибудь...* Надо будет побольше о них разузнать. Кто они? Откуда родом? Нет ли их в картотеке полиции?

Когда он вернулся к себе в комнату, был уже час ночи. Его била дрожь. Слава богу, на дворе июнь. Дожди в горах вообще холодные и пронизывающие. Он схватил со стула полотенце, вытер им голову, лицо и растер все тело. Потом, как был, голый и дрожащий, нырнул под одеяло, моля бога, чтобы одежда высохла к утру.

11

Когда Сервас вошел в трапезную, там было гораздо шумнее и веселее, чем накануне. Утреннее солнце проникало сквозь витражи, и просторный зал купался в свете. Человек двадцать монахов сидели вокруг длинных деревянных столов и завтракали, болтая и перешучиваясь, как рабочие в столовой. Видимо, обет молчания в их дневной распорядок не входил.

Он поискал глазами юного монашка и заметил его среди других. В отличие от соседей по столу, парень не разговаривал, а в основном слушал.

Сервас тоже уселся за стол и зевнул. После ночного приключения ему долго не спалось. В 4 часа утра монастырский колокол, призывавший монахов к первой службе, выдернул его из сна. После этого он безуспешно пытался снова заснуть и накрывал голову подушкой, чтобы спастись от яркого света, заливавшего келью.

Потягивая утренний кофе, он обдумывал то, что произошло, и уже успел сделать для себя несколько выводов. Во-первых, монахи могли входить и выходить из монастыря по ночам без ведома настоятеля и приора, разве что оба совсем не спят. Во-вторых, они вовсе не так «образцово преданы» своему религиозному призванию, как делают вид. В-третьих, возможно, кто-то из них что-то видел в ту ночь, когда убежала Марианна, но не может рассказать, не признав собственной вины. Накажут ли его, если расскажет? Возможно. А как накажут? Исключат из монастыря? *Он должен найти способ их допросить...* Но пока у него такой возможности нет.

Он целиком погрузился в свои размышления, когда прямо перед ним на деревянной столешнице, возле самой чашки, обозначилась тень.

Сервас поднял глаза и застыл. Перед ним стоял отец Адриэль. Лицо его было смертельно бледно и будто судорогой сведено. Он хмурил брови, словно столкнулся с трудной загадкой.

– Только что кое-что случилось, – произнес он каким-то особенно низким и хриплым голосом. – Не знаю, имеет ли это отношение к вашей... подруге... Но это нечто ужасное... *и непонятное...*

На лице его отпечаталась та же боль, что искажала лицо Христа на распятые, висевшем на стене монастыря.

– Может, мир сошел с ума? – говорил священник. – Все это насилие... бешенство... эта ненависть к другим...

Казалось, он вот-вот расплчется, и Сервас мгновенно насторожился.

– *У нас убийство...* Труп обнаружили недалеко отсюда, в соседней долине.

У сыщика оборвалось сердце и кровь застыла в жилах.

– Это... женщина? – рискнул спросить Сервас.

Аббат покачал головой.

– Нет, нет... Молодой парень... Я пока что знаю только одно – убили его с особой жестокостью... Мне только что сообщил один из наших рабочих.

Сервас испытал огромное облегчение. Но тотчас же возникли вопросы. Может ли это преступление быть связано с появлением и очередным исчезновением Марианны? И не могут ли два таких необычных случая, происшедших с интервалом всего в несколько часов, да еще в сельской местности, не привыкшей к таким событиям, быть связаны между собой?

– Где? – спросил он, допил свой кофе и встал.

– В глубине долины Лис. Если двигаться по дороге в Эгвив, вместо того, чтобы свернуть налево на департаментскую дорогу, сверните направо. Дорога там колдобистая, по ней надо проехать километра три. В конце дороги небольшое озеро, там его и нашли...

– Поеду, взгляну, – сказал Сервас. – Я буду держать вас в курсе.

Монахи приумолкли, пытаясь уловить, о чем они говорят. Видимо, их смутил мрачный вид настоятеля. Отец Адриэль покачал головой. Вид у него был подавленный.

– Зло существует, – произнес он замогильным голосом. – И Сатана существует. И он – не абстракция, а конкретный человек. Тот, что толкает нас удалиться и отделиться от Бога.

Он бросил на Серваса строгий, пронизательный взгляд.

– «Зло – это то, что существует, но существовать не должно. А мы не в состоянии сказать, почему оно существует», – ответил Сервас, цитируя Поля Рикёра¹⁸.

Аббат не мог скрыть удивления: сыщик-философ, надо же! А Сервас положил руку ему на запястье, крепко стиснул и вышел из трапезной.

Он ехал по освещенной ярким солнцем дороге, и пейзаж перед ним расстился прекрасный. По краям дороги уступами поднимались горные склоны, не уступавшие полям для гольфа свежей зеленым траве с россыпью белых цветов; виднелись тенистые подлески и высокие вершины, которые касались голубого неба; на границах лугов и песчаных осыпей фонтанчиками били источники. И то, что в таком буколическом, просто райском месте было совершено жестокое преступление, возмущало еще больше.

Чем дальше в горы он уезжал, тем уже становилась дорога. Описывая крутой вираж, она шла вдоль реки, и чистый голос воды долетал до Серваса через открытое окно. За последним поворотом, напоминавшим шпильку для волос, за небольшой рощицей он, наконец, увидел автомобили региональной полицейской службы По: «Форд Рейнджер» и «Пежо Партнер», оба синие с белой полосой, и фургон с приподнятой крышей, где располагались техники и научный отдел. В этом месте дорога изгибалась буквой S, и на уровне первого изгиба он заметил много припаркованных машин.

Он остановился позади них и зашагал к желтой ленте, которая перегораживала дорогу чуть дальше, там, где кончался асфальт, и едва не вывернул себе лодыжку, ударившись о какой-то булыжник. Там уже собралась небольшая толпа. Он подошел к молодому регулировщику.

– Капитан Ангارد здесь?

Жандарм бросил на него осторожный взгляд.

– Кто его спрашивает?

– Сервас, Региональная служба уголовной полиции.

Молодой жандарм повернулся и направился к густым зарослям, которые наклонялись к самой воде чуть поодаль. Там, за деревьями и колючим кустарником, угадывались человеческие фигуры. Из-под густой зелени на серую стену вертикально падал белый от пены водопад. До них долетали шум воды и облачка свежести, принесенные легким ветерком с водопада. Облачка как будто появились из увлажнителя воздуха. Пели птицы, сияло солнце, подчеркивая полнейшее равнодушие природы, ее простодушие и жестокость. Вернувшийся молодой жандарм подошел к Мартену и приподнял заградительную ленту.

– Проходите.

Сервас слышал, как у него за спиной щелкали фотоаппараты, и надеялся, что его физиономия не попадет на страницы «Ля Депеш». Шагая по большим валунам, лежавшим вдоль берега, он обогнул рощу. Шум воды усилился.

И тут он увидел... Это было адское зрелище, тщательно продуманная мизансцена. Ни одной лишней детали. Высокая вспененная колонна воды разбивалась внизу о скалы, образуя несколько таких же бурных и шумных мини-каскадов и несколько углублений в скалах, напоминавших бассейны на термальных водах. Эти естественные бассейны, обрамленные скалами, были неглубоки: всего несколько десятков сантиметров. И в одном из них, в самом первом, у

¹⁸ Поль Рикёр (1913–2005) – французский философ, один из главных представителей философской герменевтики, анализа отношений между пониманием мира и самопониманием. (Прим. перев.)

подножия водопада на коленях стоял убитый. Голова его была запрокинута назад и привязана к сцепленным за спиной рукам веревкой, которая несколько раз обвивалась вокруг лба и висков. Сервас видел его в три четверти со спины, но заметил, что рот у него широко открыт – возможно даже, что туда что-то вставили, чтобы держать его в таком состоянии. Скорее всего, он захлебнулся, потому что один из мини-каскадов падал ему прямо в горло. Конец веревки опускался в зеленоватую воду как раз на уровне его ягодиц, и Сервас заметил привязанный к нему плоский камень. Множество других камней были привалены к коленям и бедрам несчастного, вероятно, чтобы он не мог двигаться, и образовывали холм, из которого виднелся его голый торс.

Сервас за свою карьеру нагладелся всяких мизансцен, но то, что он сейчас видел, вне всякого сомнения, входило в топ-5. Но прежде всего *он сразу узнал того самого блондина, что видел прошлой ночью*: его короткие светлые волосы топорщились точно так же, как во время грозы...

Вокруг тела сновали техники. В дополнение к белым комбинезонам с космическими шлемами, к маскам-скорлупкам и синим силиконовым перчаткам, они надели еще большие резиновые сапоги. Они то и дело переходили от своих чемоданчиков и инструментов, лежавших на берегу, к телу посреди бассейна и обратно от тела к берегу.

У Серваса забилося сердце. *Марианна, которая звонила ему из леса, блондин, увиденный в том же лесу, а теперь еще и труп блондина* – во всем этом было слишком много совпадений. А он в совпадения не верил.

Что-то происходило в этих горных долинах... Что-то, что началось с момента побега Марианны. А может быть, и вызвало сам побег... *Между всеми этими событиями есть связь, и эта связь приведет его к Марианне.*

Его внимание привлекла группа людей, стоящих на берегу. Он сразу узнал толстый живот и копну рыжеватых волос Элюа Ангарда. А потом вдруг вздрогнул. Над всеми возвышался двухметровый гигант с длинной массивной шеей и квадратной башкой, как у какого-нибудь тотема или у статуи с острова Пасхи. Торчащие уши, глубоко сидящие черные глаза под выступающими надбровными дугами, военная стрижка...

Ролан Кастень...

Сервас с ним пересекался, когда занимался делом об убийствах в Марсаке, в элитном лицее, где училась его дочь Марго и где он и сам когда-то был студентом. Кастень был тогда прокурором при Территориальной инспекции жандармерии Оша. Порой их отношения переходили в настоящие бои, но потом молодой прокурор все-таки признал, что методы Серваса приносят свои плоды¹⁹.

Осторожно вскарабкавшись по нагромождению скал на краю берега, Сервас подошел к группе, стоявшей на песчаном берегу.

Двое из них и еще один жандарм разговаривали с блондинкой, стоявшей к нему спиной. Она была в штатском. В легкой кожанке и джинсах. На вид он дал бы ей от тридцати до сорока. Но он знал, как обманчив может быть взгляд, когда смотришь со спины. Пистолет по-ковбойски висел у нее на боку... Несомненно, она была из полицейского отделения По. Он почувствовал в этой женщине что-то до дрожи знакомое. *Этот силуэт ему явно о чем-то говорил...* И вдруг по телу пошли мурашки. Не может быть...

Он подходил все ближе, и все взгляды обратились на него. Она тоже оборвала разговор и медленно обернулась. Сервас оторопел. Эти глаза, в которых танцевал свет, это лицо скандинавской красоты, одновременно холодной и сильной, которую она намеренно не подчеркивала макияжем...

¹⁹ См. роман «Круг».

Он постарался припомнить, когда же они виделись в последний раз. 2010 год. *Целых восемь лет назад.*

Она совсем не изменилась. Ну, по крайней мере, на первый взгляд. А пристально разглядывать ее он не решился.

Те же светлые волосы, тот же пронизательный и ясный взгляд. И серебряное колечко в левой ноздре на месте, посверкивает на июньском солнышке.

– Привет, Мартен, – сказала Ирен Циглер.

12

– Привет, Ирен.

Она на миг замерла. Наверное, пыталась понять, что он здесь делает. Марианна, Кастень, а теперь Циглер. Такое впечатление, что он попал в машину времени.

– Ну, ясное дело, вы знакомы, – сказал Кастень. – Две тысячи десятый. Дело в лице Марсака... Ну и дела, а?.. Майор, как поживаете? – спросил он и протянул ему свою огромную ручищу, в которой рука Серваса просто утонула, и он вспомнил, что кулак у Кастеня был тоже о-го-го.

– Капитан, – поправил его Сервас, осторожно пожимая ручищу, и снова повернулся к Циглер.

Он не знал, как себя вести. Обняться им при всех, как старым друзьям, или ограничиться рукопожатием в рамках устава?

– Мартен, – заговорила она, ничуть не заботясь об этом, – столько времени прошло... Что ты здесь делаешь?

Он пожал плечами.

– Да я тут был неподалеку... И кто-то мне сказал, что здесь произошло. Вот и приехал взглянуть. Никак не думал, что тебя увижу. И вас тоже, – добавил он, адресуясь к прокурору.

Такое объяснение, конечно, никого не убедило, но все сделали вид, что этого достаточно. По крайней мере, на настоящий момент.

– Любая добровольная помощь приветствуется, – философски прокомментировал Кастень. – Я запросил следственный отдел По и вот-вот должен получить информацию. Странно все это... Последний раз такое видели, когда у себя в бассейне утонула несчастная учительница литературы. А теперь этот... Вот уж точно сказано: жидкость нас всех объединяет.

Сервас подумал, что этой ночью видел блондина, но рассудил, что пока об этом говорить рано. Придет время – и он все расскажет Ирен. *Наедине*... Без свидетелей. Потому что придется объяснять, почему он оказался в этих лесах. Кто знает? Может быть, она сможет ему помочь снова найти Марианну.

– Личность установили? – спросил он.

– Тимотэ Хозье, – ответил Ангارد. – Тридцать один год, житель Эгвива. Холост. Муниципальный служащий. Мелкий наркодилер.

– Причина смерти известна?

– Утопление, – отозвался гигант. – Взгляните на его живот.

Сервас обернулся к труп. Живот парня, стоявшего на коленях в воде, был раздут, как бурдюк.

– Но на первый взгляд его чем-то ударили сзади. Наступил сильнейший шок, и он, несомненно, потерял сознание. Этим и воспользовались, чтобы его связать и оттащить к воде, как раз к тому месту, куда обрушивается водопад. Неизвестно, в какое время он там появился. Веревка, которой обмотаны его лоб и запястья, привязана к тяжелому камню на дне бассейна. Этот камень завален кучей других, каждый по несколько килограммов. Кроме того, у жертвы связаны руки, ступни и колени, так что высвободиться он вряд ли мог. Его приволокли и поста-

вили прямо под струю водопада, а в рот засунули палку, чтобы он все время был открыт. Он наверняка сопротивлялся, потому что у него выбито несколько зубов, и есть глубокие раны на языке и на нёбе. Остальное можете себе представить. Его пищевод, желудок, кишечник и легкие сразу заполнила вода, он стал задыхаться, и в конце концов сердце остановилось, и он утонул. Вскрытие покажет.

Кастень произнес все это мрачным тоном, словно ему нелегко было говорить о таких мерзостях вместо утреннего приветствия. Он указал на лежащую в нескольких метрах от них у воды кучку одежды, отмеченную желтым пластиковым указателем с черным номером: одежда жертвы.

– На берегу нашли еще кое-что, – сказала Ирен, обращаясь к Сервасу.

Она махнула ему подбородком, чтобы шел за ней, и обогнула колючий кустарник. Наклонилась, чтобы показать ему песчаный берег, и на ее лице заиграли солнечные блики, отраженные водой.

Очередной желтый указатель с черным номером отмечал еще одну улику: четыре плоских камушка, лежавших на песке. На каждый из них красным маркером был нанесен знак: круг, треугольник, квадрат и буква Х.

– Есть соображения, что это такое? – спросил он.

Ирен покачала головой: нет.

– Неплохо, а? – оценивающе протянул Кастень. – Ну и клиент нам попался. И нигде ни малейшего следа...

Сервас почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом: да уж, это дело можно назвать как угодно, только не банальным. Он бросил взгляд на берег пониже бассейнов. Там уже собрались зеваки.

– Он мог приплыть по реке, – сказал он. – Надо хорошенько осмотреть берега.

– Я тоже так считаю, – с готовностью согласилась Циглер. – Вот только надо будет закрыть дорогу вниз по течению. А то сейчас там топчется куча народу, и если какие-то следы там есть, от них уже никакого толку нет.

Она испепелила взглядом Анггарда, который сразу втянул голову в плечи, как черепаха.

– Пусть кто-нибудь сфотографирует всех этих зевак, – прибавила она, – только незаметно.

«Обычная тактика, – подумал Сервас, – и в наше время, с его-то детективными телесериалами, все ее знают». Неподалеку работали техники: один делал замеры на берегу реки и по сторонам бассейна и диктовал их другому, а тот заносил все в планшет. Место происшествия фотографировали с разных точек. Циглер подошла к судопроизводителю, который записывал каждую деталь, печатывал улики и готовился письменно изложить результаты осмотра места происшествия специально для магистрата-инструктора.

– Если понадобится, ты мне все это представишь на проверку хоть три раза. Я не хочу, чтобы адвокат потом придирался к каждой ерунде и развалил дело.

Она обернулась к Сервасу:

– Там, на берегу, есть еще кое-что.

Потом отошла от группы на несколько шагов.

– Здесь кто-то курил, – сказала она, указывая на очередную желтую табличку. – Там обнаружили десяток окурков. Либо убийца довольно долго здесь простоял, наблюдая, как его жертва умирает... то ли здесь стояли несколько человек... то ли окурки набросали задолго до убийства... трудно сказать.

– А время смерти?

– Около двух ночи.

Сервас снова подумал о своей ночной прогулке в лес. Он был в каких-то двух метрах от жертвы за два часа до ее смерти. Держать такую информацию при себе невозможно. Рано или поздно она всплывет и дойдет до начальства.

Когда Ирен Циглер наклонилась к земле, он увидел маленькую китайскую идеограмму, татуировку, которую она давно нанесла на шею. И растрогался, сам не зная почему. Когда-то они крепко дружили и во всем были заодно. А потом время и обстоятельства разлучили их. Несколько месяцев назад он узнал, что она снова вернулась в эти края, прослужив довольно долго в далеком полицейском участке. Он несколько раз собирался ей позвонить, но все откладывал звонок на завтра. Интересно, возникало ли у нее такое желание. А может, она про него просто и честно позабыла. словно прочитав его мысли, Ирен подняла голову и посмотрела на него.

– Я много раз хотела тебе позвонить, с тех пор как вернулась сюда, – сказала она, пользуясь тем, что остальные от них довольно далеко. – Но знаешь, как это бывает: все откладываешь и откладываешь на завтра...

– Совсем как я...

Он поднял глаза на вершину водопада. Там, наверху, солнечные лучи пробивались сквозь зелень и, преломляясь, образовывали над водой маленькую радугу. В воздухе пахло сыростью подлеска и цветами. В душе у Серваса нарастала тревога.

– Вы столкнулись с чем-то необычным, – произнес он. – С чем-то действительно исключительным... и вызывающим беспокойство...

Она кивнула.

– Кто-то пытается оказать на вас серьезное давление, – прибавил он.

– Если бы это было в первый раз...

– В смысле?

Она помедлила в нерешительности, покосилась на остальных, стоявших поодаль, и тихо заговорила:

– *Было еще одно убийство... несколько месяцев назад...* Недалеко отсюда. Каким-то чудесным образом пресса не пронюхала о деталях этой истории: человек был убит в горах, и кроме его жены, нашедших его спасателей и нескольких жандармов никто не знает, в каком состоянии было тело.

Сервас напрягся. У него за спиной в лесу распевали птицы. Вернее, одна птица, сидевшая очень близко, повторяла одну и ту же ноту, без конца повторяла и повторяла.

– То есть?

– Этой зимой недалеко от хижины, у подножия горы, нашли человека примерно того же возраста, что и наш убитый. Его тоже сильно ударили, но не по затылку, а по лбу. Замерзший труп нашли на Черном озере. Его кто-то... раздел, положил на лед и в двадцатиградусный мороз поливал водой до тех пор, *пока тело не покрылось ледяной коркой...* Он умер от переохлаждения почти сразу после того, как ему вскрыли живот и засунули туда... гм... пластикового пупса.

Пластиковый пупс... Сервас содрогнулся. Чувство беспокойства и тревоги усилилось. *То, что произошло здесь, намного превосходило все, с чем им приходилось сталкиваться ежедневно.* И он тут же спросил себя: «А что, если эти люди имели контакты с Марианной и ее побег был как-то связан с обоими убийствами?»

– А расследование убийства в горах хоть что-то дало?

Лицо Ирен помрачнело.

– Ничего. Абсолютно ничего. Ни улики, ни следов, ни подозреваемых. Тем не менее я всех поставила на уши.

Значит, теперь она командует Региональной службой полиции. Он взглянул на блондина, которого техники были уже готовы освободить от камней и веревок, и ему подумалось, что

живот у него был так же раздут, как у парня, убитого в горах. Два убийства с такими театральными мизансценами – и никаких улик. Он вздрогнул, и тревога усилилась еще больше.

– Мало шансов, что оба убийства совершили разные люди, – задумчиво сказал Сервас.

Ирен бросила на него острый, отчаянный взгляд.

– Да ни одного.

Она указала на четыре камушка, лежащих на земле.

– Возле озера нашли два таких же: один с крестом, другой с треугольником.

13

– Мы можем поговорить? – спросил Сервас.

Она быстро огляделась.

– Ты имеешь в виду... только я и ты, и больше никто?

– Да.

Она стряхнула с руки осу.

– Я слушаю.

Он посмотрел на остальных. На них никто не обращал внимания, да и шум водопада заглушал голоса.

– *Прошлой ночью я кое-что видел...*

Она не сводила с него глаз.

– Что именно?

– Недалеко отсюда есть монастырь...

– Аббатство Отфруад, – подтвердила она.

– Около полуночи я был в лесу за монастырем и видел этого типа (он махнул рукой в сторону блондина, которого вытаскивали из воды) в компании монаха. Монах дал ему деньги в обмен на наркотик.

Ирен посмотрела на него с недоверием.

– А что ты забыл в лесу в полночь?

– Сложно объяснить... Я разыскивал одного человека...

– Кого?

– Ты помнишь Марианну Бохановски?

Она нахмурила брови.

– Конечно.

– Знаю, что тебе это покажется невероятным, но она недавно снова объявилась... Позвонила мне и попросила о помощи... За две ночи до того... Все заставляет думать, что звонила она из леса. Но я потерял ее след...

Ирен Циглер с минуту молча его разглядывала.

– Ты кому-нибудь рассказывал о Марианне?

– Только Венсану.

Она, казалось, обдумывала все, что только что услышала.

– Невероятно, – прокомментировала она, наконец. – Сколько же лет прошло?

– С тех пор как она пропала? Восемь...

– Господи! И ты собираешься снова открыть дело?

– Я не могу. Это должен сделать кто-то другой.

– Почему?

– Я отстранен от работы.

Ирен вытаращила глаза.

– Что?

По ее телу прошла дрожь. Мартен махнул рукой, словно хотел сказать: да это все не так уж важно.

– Долгая история. Мне предстоит дисциплинарный совет.

Он увидел, как вспыхнуло ее лицо, и понял, что она очень рассержена. Она бросила на него мрачный взгляд.

– Мартен, черт тебя побери! Что ты здесь делаешь, если ты отстранен?

– Надо допросить того монаха, – настаивал он.

– Ты не имеешь права здесь находиться! Я вовсе не хочу, чтобы кто-то одним своим присутствием развалил мне дело!

– Предположим, что меня здесь нет...

– Кастень тебя видел, Анггард тебя видел, и остальные тоже... Может, ты и на фото попал. Вот дьявол! Если узнают, меня точно отстранят от расследования!

Несколько секунд они молча глядели друг на друга.

– Скажем, что я просто мимо проходил... Но монаха кто-то должен допросить, Ирен.

– Что значит «кто-то»? А кто его будет допрашивать?

Она подавила вздох.

– Ты сам-то сможешь его опознать?

Он решительно на нее взглянул.

– Да. Я абсолютно уверен.

Ролан Кастень отделился от группы жандармов и техников и теперь медленно шел к ним вдоль берега. Его высокую фигуру освещало утреннее солнце, и, увидев его, Мартен вдруг подумал о глиняном великане, который в мистической еврейской легенде назывался Голем.

– Жди меня через три часа возле жандармерии, – быстро сказала Ирен. – А пока ждешь, не маячь лишний раз перед глазами, постарайся, чтобы о тебе позабыли.

14

Ирен Циглер дожидалась его за рулем огромного внедорожника «Форд Рейнджер» цветов национальной жандармерии, который он уже видел на месте преступления. Сервас вспомнил, что их первая встреча состоялась на борту вертолета. Она тоже была за рулем, и они поднялись тогда к самым вершинам. У него кружилась голова, и он чувствовал себя маленьким и беспомощным в компании этой женщины.

Потом несколько раз она спешила с мотоцикла, амазонка в черном кожаном костюме, без комплексов, с пирсингом, с татуировками, вооруженная ноутбуком и кучей идей, как надо строить новую полицию. Рядом с ней он, наверное, выглядел старым, заплывшим реакционером. Впрочем, наверное, так его и воспринимали те, кто был не способен отличить видимость от сути и шагал по жизни, вооруженный несокрушимой уверенностью.

Потом он лучше узнал Ирен и обнаружил, что под этой кирасой скрывалась личность сложная и незаурядная, из породы людей, которым всегда бывает мало только одной истины. Они подружились, во всяком случае, тогда ему так казалось.

Едва он уселся на пассажирское сиденье, она тронула машину с места, не произнеся ни слова. Примерно через километр, уже выехав из города, она сказала:

– Давай договоримся: если меня кто-нибудь спросит, я скажу, что не знала о твоём отстранении. Ты здесь оказался по своим делам, и мы случайно пересеклись. Ты в расследование не вмешивался, а просто наблюдал со стороны. Ты не давал никаких советов, и твое имя не будет нигде фигурировать. Это понятно?

Они взглянули друг на друга.

– А теперь рассказывай. За что тебя отстранили?

Сервас, зная, что дорога предстоит не ближняя, по возможности кратко рассказал о событиях прошлой зимы. Она внимательно слушала, но ему показалось, что с каждой фразой в ней нарастает недоверие. Наконец она улыбнулась.

– Значит, ты теперь стал отцом-одиночкой.

– А ты? Когда мы виделись в последний раз, ты была с...

– С Жужкой... Мы и сейчас вместе.

Жужка была девушкой, с которой Ирен жила, когда они познакомились. Такая же яркая брюнетка, как Ирен – яркая блондинка. Во время расследования серии убийств в Сен-Мартен-де Коменж она руководила ночным клубом «Розовый рай» или что-то вроде того. Похоже, Ирен не хотела больше касаться этой темы, по крайней мере, сейчас: в ее голосе он уловил напряжение.

– А Региональная полицейская служба? – спросил Мартен.

– Я получила должность директора управления в прошлом году. Дело движется. Работа хорошая. Но это расследование будет непростым.

– Тебе же всегда нравились непростые дела. Здесь поверни направо.

Они въехали в лес, и дорога пошла наверх в горы.

– На этот раз дело обещает стать резонансным, – сказала она. – Это еще чудо, что в первый раз никто не проболтался. Зато сейчас пресса возьмется проводить параллели.

– А ты заметила, что у жертв есть еще общая деталь?

– Вздутый живот, то есть намек на беременность?

– Да.

Сервас вдруг почувствовал, что все идет как в старые добрые времена. У них создалась особая группа. Они полностью друг друга дополняют, а внутреннее соперничество заставляет их превосходить друг друга. Он взглянул на Ирен. По ее лицу скользила тень листвы, а солнечные лучи, пробегая по загорелой коже, высвечивали легкий светлый пушок.

– А этот блондин, Тимотэ Хозье... Ангард сказал, что он был дилером... Он есть в ТАЖ, картотеке ранее судимых?

– Да. Видимо, в его прошлом надо порыться. С его родителями уже связались. Они живут в Тулузе. Отец – гинеколог.

– Гинеколог?

Она быстро на него взглянула.

– Да, знаю. Я подумала о том же. Но, может быть, это совпадение. Парня, которого нашли на озере замерзшим, звали Камель Эсани, ему было двадцать девять лет. Служил в охране. Спортивный, увлекался горным ориентированием. Был женат, имел сына трех лет. По свидетельству жены, употреблял травку, а если предоставлялся случай – то и кокаин, и экстази. Надо проверить, не являлся ли Хозье его дилером. У нас было время порыться в его прошлом.

– Ну и?

– Был способен на жестокость. Его жена не раз оказывалась в больнице. И всякий раз она, так сказать, о чем-то оживленно дискутировала с дверью, а однажды принялась грызть стену. Соседи часто слышали крики, и это отнюдь не были крики радости. На его счету и другие факты агрессии. Он был осужден за то, что избил шофера, который ему посигналил.

– «Служил в охране» – а это как понимать?

– Он устанавливал камеры слежения и тревожные кнопки частным лицам. Занимался слежкой по поручению своей конторы.

Сервас удивился.

– А разве прошлые людей, которые занимаются подобной работой, контролю не подлежат?

Она снова усмехнулась, словно он сказал что-то забавное.

– Конечно, подлежит. Им выдают удостоверение в Национальном Совете частных охранных предприятий сроком на пять лет. По правилам работодатель обязан раз в год подтверждать, что удостоверение его работника действительно. Для этого существует специальный сайт. Но – вот беда: там очень неудобный интерфейс, это раздражает. И если на предприятии служат десятки человек, как в случае с Эсани, то хозяин зачастую забывает зайти на этот сайт. В результате, если работник был осужден в течение этих пяти лет, как наш клиент, то работодатель узнает об этом, только когда пятилетний срок пройдет.

Ирен подмигнула Сервасу.

– Более того: в формуляре обновления удостоверения Национального Совета частных охранных предприятий Совет сам предупреждает служащих, что согласие или отказ на его запрос будет послан ему на дом, *однако работодателя никто и никаким образом не известит*. Иными словами, он сам должен решить, информировать Совет или нет, на кого он работает!

Ирен вела машину споро, на взгляд Мартена, слишком быстро проходя повороты и поднимая в воздух прошлогоднюю листву из ложбинок.

– А ты? Объясни мне, что произошло, когда Марианна тебе позвонила.

Он коротко описал ту кошмарную ночь, когда получил звонок.

– Один из монахов нашел телефон на дороге, – заключил он, – и я проявил на нем отпечатки пальцев. И попросил Ангарда отдать их на анализ.

– И для этого надо задействовать наши службы...

– Именно.

– Думаешь, удастся выявить связь?

Они переглянулись.

– Я об этом думал... Но на данном этапе выдвигать гипотезы пока рано.

Внизу появилось аббатство. Выдержанное в охряных и розовых тонах, с шестиугольной колокольной и сдвоенными дверными и оконными проемами, оно казалось каменным ковчегом, выброшенным на зеленый берег. Символом веры, который люди разместили внутри грозного и безмолвного Бога.

– Выглядит довольно уединенно, – заметила она. – Как можно жить в таком месте?

Сервас улыбнулся: он помнил, что Ирен всегда нравилась ночная жизнь.

Взгляд аббата перебежал с нее на него и наконец остановился на Сервасе. Молчание длилось всего несколько секунд. Когда отец Адриэль заговорил, в его голосе звенел с трудом сдерживаемый гнев:

– Вы утверждаете, что видели одного из наших монахов прошлой ночью в лесу с тем, кто потом был убит? И видели, как он давал этому человеку деньги в обмен на... *наркотик*?

Сервас кивнул, не открывая рта. О поцелуе, который за тем последовал, он предпочел умолчать. И о пачке купюр у монаха тоже. Это он припас для допроса.

– Чего вы ждете от меня? – спросил священник.

– Чтобы вы собрали ваших монахов, – твердо ответила Циглер, – для того, чтобы мы могли идентифицировать этого человека и задать ему соответствующие вопросы.

Опять наступило молчание. Не говоря ни слова, аббат кивнул. Ему в очередной раз объявили новую религиозную войну, которую, похоже, он вряд ли выдержит.

Двадцать пять монахов выстроились в ряд в зале капитула. Черные наплечники, из-под белых одеяний еле видны сандалии. Высокие и низкорослые, старые и молодые. *Старых больше, чем молодых*. Старение монашеских общин наблюдалось во многих аббатствах. За спинами монахов Сервас различал, как в садах внутреннего двора, освещенных солнцем, яркими красками вспыхивали цветы.

Аббат медленно шел вдоль строя, заложив руки за спину, как генерал перед своим войском. Сервас подумал, что в стенах монастыря он оставался *pater familias*, отцом семейства, всегда насупленным, строгим и бдительным. Но сейчас бдительность его потерпела поражение, и глаза сверкали яростью. По мере того как он рассматривал монахов одного за другим, он все больше становился похож на разъяренного орла.

Сервас был согласен с Ирен, что не стоит перед всеми называть имя того, кого он видел в лесу, а лучше будет допросить их всех по одному. Они попросили аббата выделить им комнату, где они могли бы заняться этим с полным соблюдением тайны следствия, но тот вдруг воспротивился:

– Что же, вы не скажете мне, кто это был?

Сервас засомневался: может ли он скрыть от главы общины личность монаха-беглеца?

– Будет лучше, если вы потом сами их допросите, – сказал он, смягчая удар. – Ведь вы дадите виновному возможность сознаться и, возможно, сделать первый шаг к искуплению.

– Искупление – слово великое и прекрасное, – резко бросил настоятель. – Негоже его употреблять налегке... В наше время такими словами слишком легко разбрасываются. Только и слышишь: искупление, прощение, раскаяние, покаяние, исправление. Словно достаточно щелкнуть пальцами или преклонить колена, чтобы искупить свою вину и войти в согласие с Богом и людьми... Впрочем, вы, несомненно, правы.

Он отступил на несколько шагов и осмотрел небольшую аудиторию.

– Эти люди из полиции, – быстро сказал он. – У них есть к вам несколько вопросов. Как вам известно, недалеко отсюда произошло ужасное событие. Вас будут вызывать по одному. Я прошу вас ничего не скрывать и отвечать с полной искренностью, как отвечали бы мне.

Если в последней фразе и содержалась некоторая доля иронии, он не подал виду. Допросы начались в маленькой комнате с совершенно голыми стенами, если не считать большого деревянного креста и скамеечки для молитвы. В комнату принесли стол и три соломенных стула. Первыми явились трое монахов. Брат Этьен, темноволосый, курчавый и невероятно худой, работал на кухне. Брат Эрве, колосс, который разговаривал тоненьким фальцетом, занимался огородом и фруктовым садом. Брат Эли, маленький лысый человечек с бегающими глазками, ведал счетами, учетом и контролем.

Сервас вспомнил, что все трое участвовали в ночном поиске. Помимо этого никто ничего не видел и не слышал.

Ему очень захотелось закурить, и он сунул в рот антитабачную жвачку, прежде чем открыть дверь четвертому. От группы ожидающих своей очереди монахов отделился толстый приор. Проходя мимо, он бросил на Серваса угрожающий взгляд.

– Можете не закрывать дверь, мне скрывать нечего, и выйду я быстро, – сообщил им брат Ансельм.

– Мы сами решим, закрывать или нет, – оборвала его Циглер, и Сервас увидел, как расширились две черные точки в середине мутных голубых глаз, когда приор на нее взглянул.

«А ведь этот человек способен на вспышки гнева», – подумал он.

– Садитесь, – твердо сказала Ирен, поскольку приор остался стоять.

Тот нехотя подчинился.

– Вы управляете монастырем и замещаете отца Адриэля в его отсутствие. Это так?

– В основном да.

И тут же стал искать другое определение:

– Скажем так, он занимается делами духовными, а я – земными. Мы представляем собой два столпа, на которые опирается это аббатство.

По всей видимости, брат Ансельм был высокого мнения о своей роли в общине.

– Следовательно, если кто и знает обо всем, что происходит в стенах монастыря, так это вы?

– Совершенно верно.
– Известно ли вам о некоторых нарушениях устава или о... скажем так, проступках братьев?

Толстые губы любителя покушать растянулись в улыбку.

– О проступках против чего? Против нашего устава или против правосудия?

– Отвечайте, пожалуйста.

Приор пожал плечами.

– Мы достаточно изолированы, но полностью не избежали того упадка, что царит повсюду в это бурное время. У нас есть паршивые овцы, это верно...

– И одна из этих *паршивых овец* имеет дурные наклонности?

– Уже не имеет.

– А раньше?

– Раньше имела...

– Можете изложить подробнее?

– Брат Циприан. У него были проблемы с наркотиками. Мы помогли ему избавиться от зависимости и отказаться от них. Сегодня он вернулся в наши ряды. Он *чист*, как у вас говорят.

– А какой наркотик он употреблял?

– Кокаин, крэк...

– Вы держите его под наблюдением?

Приор бросил на Циглер острый взгляд.

– Устойчивость нашего сообщества зиждется на ответственности каждого из его членов и на доверии, – отчеканил он. – Здесь взрослые люди, а не дети. Я здесь не для того, чтобы строить из себя... *полицейского*.

– Короче, по ночам вы чувствуете себя в полной безопасности.

Брат Ансельм оглядел Ирен с головы до ног.

– Я действительно очень крепко сплю.

Стоявший за его спиной Сервас видел жирный затылок приора. Сбритые наголо волосы начали отрастать и топорщились седым пухом, образуя на шее валик вроде ошейника.

– К чему эти вопросы? – огрызнулся монах. – Вы кого-нибудь подозреваете?

– Мы пытаемся понять, мог ли один или несколько ваших монахов ночью покинуть монастырь и, гуляя по лесу, что-нибудь увидеть, – ответила Ирен.

Толстяк нахмурил брови.

– Какого дьявола, прошу прощения за выражение, кому-то из нас понадобилось бы гулять ночью по лесу? Абсурдная идея.

– Необязательно, – вступил Сервас, понимая, что вторгается на территорию Циглер, и выходя из роли наблюдателя.

Приор обернулся.

– Это что, трюк такой у сыщиков: один спереди, другой сзади? Типа *добрый коп – злой коп*?

Э, да он, в конце концов, не так уж и далек от мира. И куда делся весь его церковный лексикон? Небось заходит к братьям посмотреть какой-нибудь сериал или фильм со сценами насилия. А вот где границы, отделявшие их от общества, Сервас пока не знал.

– А вы сами, – сказала Циглер не без коварства, – не имеете дурных наклонностей, вас не мучает бессонница или тревога?

В том, как приор заерзал на стуле, Сервас уловил признаки беспокойства.

– Нет.

Что-то ты слишком быстро ответил.

– Я вам уже сказал: сплю довольно крепко. Наш жизненный распорядок не оставляет времени на праздность. К тому же праздность – враг души. Между литургией и множеством

дневных работ промежутки очень редки. Летом мы встаем в четыре утра к первой службе, ко всенощной, еще до рассвета. Потом в семь пятнадцать идут лауды, в девять пятнадцать час третий, час шестой незадолго до полудня, час девятый в два часа пополудни, вечерня в пять пятнадцать пополудни и повечерие в восемь часов. Есть еще Часы Большие и Малые, есть время индивидуальной молитвы. И при этом надо еще заниматься своими делами, выполнять ежедневные работы по поддержанию порядка. Как видите, наши дни длинны и утомительны. Здесь вовсе не лагерь отдыха, – подытожил он с беспримерным самодовольством.

Сервас подумал, что приор пытался утопить их в потоке абсолютно лишней информации, как обычно делали в Тулузе главари мелких банд, которые проходили через комиссариат.

– Благодарю, отец мой, – сказала Циглер, – позовите, пожалуйста, следующего.

Толстяк тяжело поднялся и зашагал к выходу. Открыл дверь. Подал знак монахам, ожидавшим своей очереди. Отвернувшись от двери, Сервас переглянулся с Циглер. Она пожала плечами.

Когда же он повернулся, чтобы взглянуть на следующего, перед ним в луче солнца, падавшем из окна, стоял тот самый монах-беглец, за которым он следил прошлой ночью.

15

Совсем мальчик, подумал Сервас. Детское лицо, большие светло-голубые глаза, обрамленные длинными каштановыми ресницами, маленький рот с красными, как смородина, губами... Пухлые щеки сразу же зарделись под пристальным взглядом сыщика. Ростом парень был около метра семидесяти, а на подбородке пробивалась борода, больше похожая на юношеский пушок.

Он уставился на Циглер, и Сервас понял, что присутствие женщины его смутило.

– Садитесь, – сказала Ирен.

В ее голосе послышались сухие нотки школьной директрисы той эпохи, когда в ходу еще были телесные наказания. Парень повиновался, стараясь занять на стуле как можно меньше места. Вне всякого сомнения, будь у него плащ-невидимка (Сервас читал Гюстава «Гарри Поттера», хотя тот и понял далеко не все), он бы поспешил исчезнуть.

– Итак, вы...? – спросила Ирен.

– Э-э... брат Циприан.

Что там говорил отец Ансельм? Что мальчик *чист*. Ага, как же... Из-за спины монашка Сервас сделал Циглер незаметный знак, и она тут же выпрямилась на стуле и посмотрела парню прямо в глаза. Ледяным взглядом. Лесной скороход опустил глаза. Сервас был уверен, что не пройдет и пяти минут, как он сознается.

– Вы страдаете бессонницей? – спросила Ирен.

– Что?

– Вы собираетесь заставить меня повторять каждый вопрос?

Тон был безапелляционный. Брат Циприан съежился.

– Я... Бывает, что я плохо сплю... Несмотря на то, что у нас нет времени, чтобы...

– Чтобы что?

– Чтобы отдыхать...

– Я вижу. И что вы делаете, когда вам не удастся... заснуть?

– Читаю... слушаю музыку... *молюсь*, – быстро прибавил он, словно только что вспомнил, что он монах.

– Вы молоды, наверное, нелегко такому, как вы, все дни проводить здесь.

– Это жизнь, которую я выбрал.

– Почему вы сделали такой выбор?

Он оглядел полицейских одного за другим.

– Я... я думал, что меня станут спрашивать, не видел ли я чего.

– Когда? – ледяным тоном произнесла Циглер.

– Ну... в ту ночь, когда...

– И что? Вы что-нибудь видели?

– Нет, нет, я был в постели.

– В самом деле?

Он быстро закивал.

– Тимотэ Хозье, – это имя о чем-нибудь вам говорит? – спросил Сервас.

– Нет.

Ирен Циглер изобразила удивление.

– Нет?

Монашек смутился.

– Ну, может быть...

– Так «нет» или «может быть»?

Голос ее все больше леденел.

– Не знаю.

– Ах вот как? Однако тебя видели с ним вместе в лесу за два часа до его смерти.

– Что?

Сервас увидел, как Циглер встала, взяла свой стул и медленно потащила его вокруг стола, чтобы сесть как раз позади монашка. Потом она наклонилась к нему так близко, что он, наверное, почувствовал в ухе ее дыхание, и очень тихо, но ясно шепнула ему на ухо:

– Еще одно идиотство – и я посажу тебя в камеру с сутенерами, проститутками и насильниками. Они с восторгом проведут ночь с таким, как ты...

На мгновение он совсем растерялся. Нижняя губа задрожала, глаза наполнились слезами, а дыхание стало сиплым.

– Я слушаю, – шептала ему на ухо Циглер с терпением почти материнским. – Отсюда просто так не выходят, ты мое слово знаешь.

Молчание.

– Тимотэ продает мне наркотик... Я... Я начал, еще когда был студентом в По... Но сейчас я употребляю гораздо меньше, чем раньше, клянусь вам. Господь помогает мне избавиться от демонов. Шаг за шагом, понемногу. Такие дела в один день не делаются...

Стоя рядом со стулом Циглер, Сервас наклонился к другому уху парня.

– Я видел, как ты с ним целовался.

Румяные щеки брата Циприана стали багровыми.

– Я его не убивал... – пробормотал он. – Это не я!

Сервас взглянул на него. Теперь он буквально пылал и вытирал пот со лба тыльной стороной ладони.

Циглер встала, взяла свой стул и вернулась на прежнее место напротив монашка.

– Расскажи нам о Хозье. Как ты с ним познакомился?

Монашек долго подыскивал слова.

– Когда я приехал в Эгвив, я знал, на что иду. Знал, что без травки или порошка долго не протяну...

– То есть все, что рассказывал тут брат Ансельм про то, что ты чист, полная ерунда?

Она посмотрела ему прямо в глаза, и он отвел взгляд.

– Да, на какой-то момент так оно и было. Но я снова сорвался...

– А дальше?

Он помедлил.

– Это случилось уже потом. Тимотэ словно читал мои мысли... словно угадывал каждое мое... *желание*...

– Расскажи нам о нем.

От волнения глаза у него заволокло дымкой, зрачки замерцали.

– Тимотэ был недобрым человеком... Человеком без морали. Для таких, как он, делать зло – вторая натура. Врать, мошенничать, воровать, угрожать, обманывать... Он все это обо-жал. Он подчинялся только своим самым... разрушительным и нездоровым порывам. Не знаю, до каких пределов он мог бы дойти. Иногда он меня просто пугал.

Сервас вспомнил то ощущение опасности, которое охватило его, когда он увидел в лесу блондина.

– Но бывали моменты, когда я не мог противиться его... притягательности.

– Ты знал кого-нибудь из его клиентов? – спросила Ирен. – Его круг общения?

– Нет, к сожалению.

– Может, он чувствовал себя в опасности? Чего-нибудь боялся? Или кого-нибудь?

Он покачал головой.

– Я бы рад вам помочь, – жалобно оправдывался парень, – но я не знаю. Клянусь. Он никогда со мной об этом не говорил.

– А о чем он с тобой говорил? Он тебе доверялся?

– Несколько раз.

– И что он тебе поверял?

Юный монах помолчал, собираясь с мыслями.

– Ну, вот, к примеру, у него была навязчивая идея...

Циглер дожидалась продолжения.

– Он был одержим всем, что относилось к религии. Предметами культа, ритуалами, ста-туями, живописью, текстами... Об этом он знал все, это его завораживало, он обожал об этом говорить. И все спрашивал себя, существует ли ад. И еще постоянно говорил мне, что я должен помочь ему спасти душу... Что в прошлом он совершил что-то ужасное.

Ирен отреагировала, и от Серваса это не укрылось.

– И что он говорил?

Взгляд брата Циприана скользнул с одного на другую, потом остановился на Ирен.

– Он рассказал, что в шестнадцать лет убил свою сестренку. И даже посещал психиатра.

Циглер смотрела на монашка, разинув рот.

– И ты поверил? Думаешь, он говорил правду?

– Я нашел в интернете статьи того времени. Он был несовершеннолетний, и его имя не указывали. Но все сходилось: возраст, внешность, то, что отец был гинекологом...

– А кто был психиатр? Он тебе говорил?

– Нет.

Циглер и Сервас переглянулись.

– А что еще ты знаешь о Тимотэ?

– Он ненавидел отца...

Монах произнес это как вещь абсолютно очевидную, и Сервас подумал, что именно это их и объединяет.

– Откуда ты достаешь деньги? – спросила Ирен.

– Отец... Он посылает мне деньги каждый месяц, я заставил его поверить, что это для аббатства.

– А что ты делал в ту ночь после того, как встретился с Тимотэ? – поинтересовалась Циглер.

Они снова вогнали его в краску.

– Вам ведь это хорошо известно, вы следили за мной... И вы прекрасно знаете, что потом я сразу пошел спать.

Сервас не стал уточнять, что при сем он не присутствовал.

16

Вокруг бушевало теплое лето. Но у Серваса вдруг возникло ощущение, что на землю опустился сумрак, хотя солнце стояло в зените.

– Не нравится мне эта история, – сказала Циглер, направляясь к машине. – Совсем не нравится.

Сервас ничего не ответил, но чувствовал примерно то же самое. За всем этим стояла какая-то жестокая реальность, и они видели только ту ее часть, которая была снаружи. Он вспомнил молодого светловолосого парня, стоящего на коленях у водопада с широко открытым ртом и раздутым от воды животом. Мартен боялся худшего. Сейчас они стояли на пороге чего-то несоизмеримого. Снова сев за руль, Ирен сделала несколько телефонных звонков по поводу психиатрического досье Тимотэ Хозье и попросила, чтобы узнали имя врача, который его наблюдал.

– Надо как можно скорее поговорить с родителями, – сказала она. – Их только что предупредили, они уже едут. А пока ждем, можно взглянуть на место, где он вырос. Бригада уже там.

Они доехали до Эгвива, свернули на каменистую, всю в выбоинах дорогу, идущую вверх по холму над городом, и припарковались у бровки тротуара за фургоном научной бригады. Низкое кирпичное здание стояло в заброшенном саду, заросшем акациями и сорной травой.

Они двинулись по аллее, мощенной растрескавшейся плиткой, которая шла между старым прицепом, стоявшим на стеновых блоках, и корпусом «Фольксвагена» без лобового стекла. А дальше виднелись съеденные ржавчиной велосипеды, напоминавшие кораллы, какие-то обломки и консервные банки, сквозь которые проросла крапива. Вдоль левой стены они дошли до входной двери без крыльца. Сервас попытался заглянуть внутрь, но окна плотно закрывали коричневые шторы. Когда они прошли в дом, надев латексные перчатки и бахилы, их поразил ужасающий запах отбросов и сгнившей еды. Вонь стояла такая, что, казалось, воздух сгустился. Повсюду жужжали полчища мух.

По дому сновали техники в комбинезонах и защитных масках. Они снимали отпечатки пальцев, брали на анализ следы ДНК, различные волокна. Их сравнят с материалом, взятым на месте преступления, и занесут в каталог.

– Фу, гадость, – сказал Сервас, зажимая нос.

Внутри дома царил невообразимый кавардак: вещи громоздились в полном беспорядке, как в пещере Али-Бабы. Что-то действительно ценное валялось рядом с каким-то барахлом, не оставляя ни сантиметра свободного места. Стопки старых газет и журналов, разные безделушки, гроздья пластиковых мешков, набитых предметами, опознать которые было невозможно.

Синдром Диогена.²⁰

В гостиной, на столе, заставленном невероятным количеством полных пепельниц, грязных стаканов, пивных и винных бутылок, валялись, еще в алюминиевой обертке, пробирная чашечка и медицинский жгут. Внимание Ирен привлек ноутбук, лежавший на стойке американской кухни. На нем было полно пыли и отпечатков. Она указала на него технику, и тот утвердительно кивнул. Открыла ноутбук, что-то напечатала и снова закрыла.

– Он запаролен.

Он понял, что она ищет. Возможно, Хозье хранит в ноутбуке список своих клиентов? Номера телефонов? Телефон Ирен жужжал, она ответила. Звонили из Региональной службы, и она нажала кнопку громкой связи.

²⁰ Синдром Диогена (синдром старческого убожества) – полное равнодушие к одежде, санитарии, склонность тащить в дом любую гадость. В России этот синдром называли бы «синдромом Плюшкина». (Прим. перев.)

– Все, что рассказал вам монашек, верно, – объявил голос в трубке. – После того как Тимотэ Хозье в две тысячи втором убил свою двенадцатилетнюю сестру Юдифь, он восемь лет провел в специализированных институтах. Двое психиатров, осмотрев его, пришли к заключению, что он не подлежит уголовному наказанию, и поместили его в психиатрическую клинику. Шесть лет он провел в одном учреждении и два года в другом. А потом, видимо, кто-то решил, что он выздоровел, и его выписали. Затем он получил место муниципального служащего, но мадам мэр Эгвива отстранила его от охранной деятельности, поскольку он находился в психиатрической больнице.

– А почему он поменял место лечения? – поинтересовалась Циглер. – Возникли проблемы? У него были приступы агрессии? Его отправили в Клинику для сложных больных?

В Клинике для сложных больных содержались пациенты, которые могли представлять опасность для окружающих и для самих себя.

– Нет, просто в заведении, где он находился, произошел пожар, – ответил голос в трубке. – Пришлось распределить пациентов по всей Франции. Речь шла об опасных пациентах, агрессивных, весьма специфических профилей.

Ирен и Сервас нервно переглянулись. Напряжение нарастало. Сервас почувствовал, как у него свело желудок.

– А в какой клинике он находился в первый раз? – спросила Ирен низким, глухим голосом.

– В Институте Варнье. Институт находился...

– Я знаю, где он находился, – оборвала она.

Она на секунду замолчала и быстро взглянула на Серваса.

– Есть психиатр, который наблюдает его сейчас?

– Да. Габриэла Драгоман, психиатр. В том числе и детский. Родилась в Румынии, во Францию переехала в возрасте десяти лет. У нее в Эггиве частный кабинет, и она практикует в местных больницах. Дать вам ее адрес?

– Да, пожалуйста.

Ирен отсоединилась и пристально посмотрела на Мартена. А у того возникло чувство свободного падения. *Институт Варнье... Вот прошлое и всплыло на поверхность еще раз...* Напросилось к ним за стол, как гость, которого никто не хочет видеть, потому что все знают, что он испортит праздник. Зима 2008–2009. Снег, белизна. И внутри, и снаружи. Безлюдное место. В глубине долины. Архитектура, типичная для зданий, выстроенных в начале XX века. В Институте Варнье содержались чрезвычайно опасные преступники, которых суд признал невменяемыми. Несколько секунд Циглер и Сервас молча смотрели друг на друга.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала она. – Это может быть и простое совпадение.

– Что-то слишком много совпадений.

В Институте Варнье, когда там находился юный Тимотэ Хозье, содержался еще один пациент, знаменитый на всю клинику: бывший прокурор трибунала Женевы, серийный убийца Юлиан Гиртман²¹. *Человек, который похитил Марианну.*

Связь между Марианной и этими двумя убийствами все же была. Очень тонкая. Косвенная. Почти неуловимая. Но все-таки связь.

– Ну, что, навестим психиатра? – спросил он.

17

– Говорю тебе, ты держишься в стороне, – наставляла его Ирен. – В разговор не вмешивайся, а только наблюдаешь.

²¹ См. роман «Лед».

Сервас молча кивнул и снова принялся разглядывать окружающий пейзаж. Они проехали последние дома Эгвива и поднимались по склону среди лугов, сбегавших с высоченной скалы над самыми городскими крышами, как вдруг перед ними возник дом Габриэлы Драгоман, словно подвешенный в небе.

Ультрасовременный бетонный бункер со сверкающими на солнце застекленными дверями. Выверенные линии, причудливая отделка углов, все плоскости с наклоном. Ну просто цементный корабль на фоне пейзажа, достойного «Звуков музыки»²².

Сервас где-то читал, что в мире в год производят по кубометру бетона на душу населения. Он представил себе, как каждый житель планеты получает в подарок куб из великолепного бетона с длиной ребра в метр. К этому еще прилагаются кубы прошлых лет и кубы для всех членов семьи. Это же получается настоящая «мировая бетонизация».

Он прекрасно понимал, что такого рода мысли возникают, чтобы вытеснить другие. *Он нашел связь между убийствами и Марианной.* Найти-то нашел, а как истолковать – не знает. Тимотэ Хозье содержался в Институте Варнье. Встречался ли он с Юлианом Гиртманом? Гиртмана держали в полной изоляции вместе с шестью другими постояльцами в блоке А. Он никогда оттуда не выходил. Обычно у пациентов профиля Хозье не было ни малейшего шанса с ним пересечься. Но что считать нормальным для Института в то время?

Ирен припарковала свой «Форд Рейнджер» на трехместной стоянке рядом с новеньким сверкающим «Рейндж Ровером». Сервас оглядел вездеход, потом дом. Интересно, какие еще источники дохода, кроме психиатрии, были у Габриэлы Драгоман? Может, она удачно инвестировала на бирже? Или написала много статей о том, как лучше всего подавить негативные эмоции и жить в гармонии с природой? Надо будет проверить.

Они поднялись по широким бетонным ступеням, ведущим на террасу, и позвонили. От вида на горную гряду и долину захватывало дух. Вместо колокольчика или звонка они услышали звук тибетского гонга.

Белая дверь распахнулась, и на пороге появилась Габриэла Драгоман. Взглянув на нее, Сервас решил, что такая худоба либо вызвана анорексией, либо дама побывала в руках пластического хирурга. Об этом говорили слишком полные губы, слишком прямой нос и неестественно натянутая кожа. Светлые волосы, стриженные сзади до состояния короткой щетины, спереди падали затейливой прядью на густые черные брови и водянистые серые глаза. Он дал бы ей лет сорок пять. Циглер достала удостоверение.

– Капитан Ирен Циглер, следственный отдел полиции По. Мы бы хотели пообщаться с вами по поводу вашего пациента, Тимотэ Хозье. Его обнаружили...

– Да, я в курсе, – отрезала докторша, поджав губы. – Ужасная новость.

– Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Доктор Драгоман смерила их взглядом одного за другим.

– Да, конечно, я понимаю. Однако надеюсь, вам известно, что я обязана хранить медицинскую тайну.

– От этого обязательства мы с легкостью вас освободим в рамках уголовного расследования, – возразила Циглер. – Я не уверена, что оно применимо к *мертвому* пациенту... Если вы не против, лучше не терять времени зря. Тем более что ваши пояснения как практикующего врача будут для нас очень ценны.

По губам доктора Драгоман скользнула легкая усмешка, верный признак того, что на лесть она не купилась. Тем не менее она отошла в сторону, чтобы дать им пройти.

– Прошу прощения, но я должна кое-что доделать.

Первый этаж виллы представлял собой открытое пространство, которому придавали ритм колонны и переборки. Льющийся из огромных окон яркий свет открывал изящную пер-

²² Знаменитый фильм-мюзикл (1965), важной частью антуража которого являются альпийские ландшафты.

спективу с лестницей и высоким камином, расположенным посередине. Сквозь окна можно было со всех сторон разглядеть вершины и склоны гор.

Открывшаяся им картина казалась тихой и мирной, хотя внутреннее убранство зала и противоречило этой безмятежности. Многочисленные стены переборок покрывали листы серебристого металла, усеянные острыми колючками, и Сервас спросил себя: неужели никому из пациентов Габриэлы Драгоман не приходила в голову мысль броситься на эти колючки? Не занятые колючками стены покрывал блестящий черный лак, и по нему, как вены, вились красные прожилки, а напротив располагались огромные полотна в золоченых рамах, выполненные в гиперреалистической манере. Сюжет на всех был примерно одинаковый. *Распятие*. Только на огромных деревянных крестах вместо Иисуса висели рыжеволосая женщина, немецкая овчарка, лошадь или летучая мышь. Все животные были самцы. Кресты и тела отливали цветом красного дерева, пронизанного золотистыми отблесками, как на закатном солнце, а небо на каждой из картин было мрачное, беспокойное и все в тучах. По спине у Серваса прошел холодок. Как можно жить в пространстве, которое вот так оформлено, а главное – как можно здесь принимать людей, страдающих психическими расстройствами? Разве что весь этот декор, достойный пещер с сайта «Мировая спелеология»²³, не преследовал цель вызвать эффект электросудорожной терапии...

В очередной раз религия вмешивалась в расследование ...

Пока Мартен в волнении разглядывал картины, за окнами солнце закрыли облака, и весь просторный зал вдруг наполнился тенями и приобрел тревожный вид, пробирающий буквально до костей.

Он обернулся к дамам. Сидя за прозрачным столиком, докторша уткнулась в свой ноутбук, намеренно давая понять, что ее важная работа их не касается, словно их в зале вообще не было. Циглер стояла перед столиком, и в ее глазах он уловил искорки раздражения и нетерпения.

Теперь он мог хорошенько рассмотреть доктора Драгоман. На ней было черное платье под самую шею, оставлявшее, однако, обнаженными плечи. Она быстро бегала пальцами по клавиатуре, что наверняка еще больше выводило из себя Циглер. Потом отодвинула стул из прозрачного поликарбоната и направилась в глубь дома, громко стуча высокими каблуками, словно хотела впечатать их в пол.

– Следуйте за мной.

Габриэла Драгоман уселась на черный кожаный диван и жестом пригласила их сесть на точно такой же, стоявший напротив. Оба дивана разделял столик, где крепостным валом поднималась стопка книг по искусству. Закинула загорелые ноги одна на другую и заглянула прямо в глаза сначала Сервасу, потом Ирен, словно оценивала пациентов.

– Позвольте мне кое-что уточнить: я охотно отвечу на ваши вопросы, но сама буду решать, какие из них существенны, а какие – нет. Кроме того, вы не будете иметь доступа к досье моих пациентов или к моим записям без официального запроса. Я достаточно ясно выражаюсь?

– Ясно, до прозрачности, – отчеканила Циглер.

– Итак, я вас слушаю.

– Как я уже сказала, мы расследуем убийство Тимотэ Хозье, который был вашим пациентом.

Психиатр кивнула.

– И весьма интересным пациентом.

– В каком смысле?

²³ Спелеология – исследование пещер; часто так же называют пещерный туризм.

Вместо ответа она наклонилась над стоявшей на столе золоченой шкатулкой и достала сигарету и золотую зажигалку.

– Не возражаете, если я закурю?

Предложить им то же самое или угостить кофе ей, видимо, в голову не пришло. Сервас догадался, что эта игра затеяна, чтобы испытать их эмоциональное равновесие, если выражаться ее терминами, но пока не понимал, с какой целью. Она щелкнула зажигалкой. От запаха табака у него свело желудок, и он уже собрался вынуть из-за щеки антеникотинтовую жвачку, но воздержался: кто ее знает, как дама, сидящая напротив, истолкует такой жест.

– Я полагаю, вы в курсе, что в возрасте шестнадцати лет Тимотэ убил свою сестру?

Циглер спокойно кивнула. Психиатр затянулась сигаретой и выпустила немножко дыма.

– Во Франции есть около тридцати тысяч психиатров, – начала она. – Этого мало для шестидесяти миллионов жителей, подверженных вспышкам психических заболеваний. Вы, несомненно, знаете, что большая часть моих пациентов родом не из долины. Даже если изоляция, условия жизни в высокогорных деревнях и тяжелая работа являются факторами риска, очень мало кто из жителей имеет привычку консультироваться. Два раза в неделю я принимаю в объединении медицинской помощи в Ланмезане. Именно там я и познакомилась с Тимотэ.

Она сделала еще затяжку, чуть наклонив вперед безукоризненно прямую спину и сдвинув колени.

– Он только что вернулся к привычной жизни, и ему было предписано амбулаторное лечение. Я сразу разглядела его скрытый недуг.

– Скрытый недуг? – переспросила Ирен.

– Да. Тимотэ – случай исключительный. Придет время – и я напишу о нем книгу. Я его называла Пациент Икс.

Сервас украдкой посмотрел на Циглер. Вид у нее был безразличный, но он понял, что внутри она закипает.

– По типу личности Тимотэ относился к тем, кого мы называем «пограничными». Он обладал выраженной импульсивностью, нестабильным представлением о себе и своих чувствах, предрасположенностью к наркомании, к рискованному сексуальному поведению и неконтролируемым вспышкам гнева. К тому же он страдал синдромом Диогена (Сервас вспомнил немислимый бардак в его доме) и другими парафилиями.

– Парафилиями?

Психиатр посмотрела на Ирен с высокомерной улыбкой.

– Парафилиями называют фантазии, возбуждающие сексуальное напряжение, болезненное влечение или иное девиантное сексуальное поведение, идущее вразрез с социальными нормами, например, педофилию...

– Тимотэ был педофилом?

– Нет. Его фантазии уносили в другие области.

– Какие?

– Трансвестизм, фетишизм, иерофилия...

Циглер приподняла бровь.

– Сексуальное влечение к предметам культа, – пояснила доктор Драгомани.

Сервас сразу же представил себе блондина и монашка в лесу.

– Это ведет к мастурбации с использованием предметов культа, к извращениям религиозных ритуалов. Маркиза де Сада, например, обвиняли в том, что он предавался содомским утехам с монахом при помощи церковной свечки. А Казанова насиловал молоденьких монашек у выхода из монастырей. По существу, иерофилия вытаскивает на свет божий вопрос, который христианство систематически старается спрятать: на кой черт Господь изобрел пенис, клитор и вагину?

Она усмехнулась уголком рта. Сервас пробежался взглядом по картинам: несомненно, Тимотэ Хозье чувствовал себя здесь в своей стихии...

«А ты-то сама, – подумал он, – у тебя-то что за парафили?»

– Он страдал также пигмалионизмом, то есть сексуальным влечением к статуям, в его случае религиозным...

– Он получал лечение?

– Да. Когнитивно-поведенческую терапию и антиандрогенные гормональные препараты.

Я прописывала ему и препараты против импульсивности, из линейки антидепрессантов.

– Можно получить копии назначений? – спросила Циглер.

– Не вижу связи с убийством.

– Мы стараемся не пропустить ни одной детали, – спокойно ответила Ирен.

Сервас заметил, что Габриэла Драгоман осторожно на нее взглянула.

– Он часто приходил на прием? – не унималась Ирен.

– Раз в неделю, всегда по вечерам.

– Почему по вечерам?

Психиатр снова усмехнулась.

– Это был его выбор. Ему нравилось появляться поздно. Он любил эту обстановку, рассеянный свет, мои картины... Он легче раскрывался, когда наступала ночь... Как некоторые цветы. Летом мне приходилось даже задергивать шторы.

– Вы знали, что он занимался наркотицизмом? – спросил Сервас.

Габриэла Драгоман перевела глаза на него.

– Да. Конечно, знала. Он ведь и сам употреблял свой товар в больших дозах. Можете не сомневаться, из-за этого возникали большие проблемы с медикаментами. У Тимотэ не было от меня никаких секретов...

Сервас представил себе блондина и блондинку лицом к лицу, в окружении огромных полотен с распятиями, черных стен и металлических колючек, ночью, в молчании бункера-пещеры – и его пробрала дрожь.

– В таком случае он мог поведать вам что-то такое, чего не сказал бы никому, но что могло иметь отношение к его смерти, – напомнила Циглер. – Были ли у него враги, боялся ли он чего-то или кого-то... Не чувствовал ли себя в опасности.

Габриэла Драгоман покачала головой и выпустила струю дыма.

– Я ничего об этом не знаю, но вы правы: будь оно так, он бы обязательно мне сказал.

– Доктор, – неожиданно вмешался Сервас, – ваш дом очень красив и полон прекрасных вещей. Я видел ваш автомобиль. Психиатрия так хорошо оплачивается?

Она пристально на него взглянула. С таким холодным презрением ему редко приходилось сталкиваться, и он почувствовал, как внутри поднимается гнев.

– Я вдова. Мой муж был человеком... скажем так, успешным... Он сорок лет управлял одним из крупнейших предприятий продовольственной промышленности Франции. В те времена никакие нормативные акты не препятствовали обогащению посредством отравления населения. Если бы рак признали одним из средств массового уничтожения, моего мужа вполне могли бы отдать под суд за преступление против человечества. Справедливости ради надо заметить, что он и сам умер от рака гортани. Не то чтобы он поедал то дерьмо, которым кормил остальных, просто он был сумасшедший курильщик. Он курил в среднем около шестидесяти сигарет в день и выпивал не меньше десяти бокалов виски. К тому же мы поженились, когда мне было двадцать восемь, а ему пятьдесят. Через семь лет он умер. Детей у нас не было. Это избавило меня от нужды на всю оставшуюся жизнь. Я удовлетворила ваше любопытство?

И вдруг, прежде чем Ирен успела отреагировать, он быстро вытащил из кармана фото Марианны и положил на низкий столик.

– Вы знакомы с этой женщиной?

Габриэла Драгоман наклонилась и равнодушным взглядом скользнула по снимку. Потом снова покачала головой.

– Нет.

– Вы уверены, что никогда с ней не пересекались?

– Уверена. А кто это?

– Благодарю, – сказал он.

Он сунул фото обратно в карман, заметив, каким убийственным взглядом стрельнула в него Циглер.

– Вам известны еще какие-нибудь детали, которые могли бы помочь следствию? – спросила Ирен.

– Как я вам уже говорила, Тимотэ имел тенденцию к импульсивности в сексуальном поведении, да и во всей жизни в целом. И на него часто накатывали приступы гнева. Он не раз ввязывался в драки, у него была нехорошая тенденция попадать в опасные ситуации. Может быть, он повстречал дурного человека, и тот на него плохо влиял. Он болтался по гей-барам в этом районе. Наверное, вам следует поискать и в этих местах...

– Если мы вам кое-что расскажем, это останется между нами? – неожиданно спросила Ирен.

Психиатр быстро кивнула, и в глазах ее загорелось острое любопытство.

– Его смерть была обставлена как объект постановки, как мизансцена, и все говорит о тщательной подготовке. Кроме того, это уже второе убийство такого типа в регионе. Мало шансов, что это была случайная встреча среди ночи.

Они увидели, как сузились водянистые глаза психиатра, и под длинными ресницами вспыхнул огонь живого интереса.

– Он сообщал вам названия тех мест, которые посещал? – спросила Циглер.

– Его любимым баром был «Бой энд Бой» в Тулузе.

– А эта история с сестрой... Ее убийство... Что там на самом деле произошло?

Было заметно, что она старается собрать воедино все, что помнила.

– В один прекрасный день он вернулся домой из лицея, ворвался в комнату сестры и задушил ее. Просто так... без всякой причины. Никто не знал, что на него нашло. Психиатры сошлись во мнении, что это был «острый приступ бреда», как подобные состояния называются во французской нозографии²⁴. «Учебник диагностики и статистики умственных расстройств» Американской ассоциации психиатров говорит о «кратком психотическом расстройстве». «Приступам бреда» подвержены в основном подростки или очень молодые люди без психиатрических диагнозов в анамнезе. Начинается приступ неожиданно и остро: его обычно называют «гром среди ясного неба». Он полностью разрывает связи сознания с предыдущим состоянием и может наступить в любой момент, без всякого пускового механизма, каким обычно выступает стресс или депрессия. Короче, может поразить любого «на пустом месте», без предыдущих проявлений. Страшно, если вдуматься, правда?

Она выпустила дым прямо в сторону Серваса, и тот зажал нос.

– И никакой интоксикации: в свое время в его крови не обнаружили ни следов медикаментов, ни алкоголя, ни наркотиков. Никаких проявлений ранее. Никаких «предвестников». Ничего.

Она стряхнула маленькое облачко пепла в пепельницу, такую же золоченую, как шкатулка с сигаретами.

– У него это так и начиналось... Он говорил, что ему вдруг «непреодолимо захотелось убить сестру». Он ее очень любил, но ему хотелось испытать, каково это: убить человека. А в его окружении она оказалась таким человеком, которого легче всех можно убить.

²⁴ Классификация болезней.

Сервас не без дрожи вспомнил светловолосого парня, которого видел в лесу. Тем вечером он мог показаться кем угодно, но только не «больным без психиатрических диагнозов в анамнезе».

– Он ссылался на тон ее голоса, на скверный запах в ее комнате. Психотический бред, как правило, бессвязен, но очень богато расцвечен всяческими галлюцинациями: звуками, запахами, ощущениями... Погружение в бред обычно полное.

При этих словах она оглядела полицейских одного за другим.

– Мозг все еще во многом «черный ящик», загадка, как говорят о нем нейрофизиологи... и, несомненно, сложнейшая в мире система. Всего полтора килограмма весом, но включает в себя сто миллиардов нейронов и десять миллионов миллиардов нейронных связей. Что касается наших воспоминаний, то мы их не откладываем про запас, мы их непрерывно заново выдуваем. На самом деле нарушения функций мозга обходятся человечеству намного дороже, чем рак или сердечно-сосудистые нарушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.